

Глава 10. Школьные университеты

Послевоенные годы – время трудное, голодное. Пока продолжалась война, жизнь подчинялась лозунгу: «Всё – для фронта, всё – для победы!» В послевоенные же годы все усилия направлялись на скорейшее восстановление разрушенного войною хозяйства.

Нужда тогда постоянно ходила рядом. Такого жестокого голодомора, как в 1933–34-х годах, не было, однако недостаток чувствовался во всём. Вот и приходилось бедствующим мудрить, ловчить, изыскивать новые способы выживания.

Кое-кто вспомнил о подножных кормах – такой пище, как крапива, лебеда; кое-кто пробовал питаться речными моллюсками (если не удавалось наловить рыбы). Эта живность – мидии – во время войны в Тясмине развелась во множестве. В некоторых местах мы должны были ступать по дну реки с осторожностью, чтобы не поранить босые ноги острыми раковинами мидий.

Их собирали, клали к костру, чтобы они открылись, отделяли несъедобные части, подвяливали на солнце и досушивали в печке. Может где-то, в далекой загранице, такой продукт считался деликатесом, но у нас, в хлебном крае, его потребление выглядело чуть ли не дикостью. Если мне не изменяет память, этим «грешили» жившие в конце улицы Мясюки,⁴⁸³ чему дивились их соседи, знавшие о рационе этой семьи...

От вечного недоедания участились случаи заболевания туберкулезом.

От безысходности, от пережитого случались самоубийства. Повесился отец Володи Скрынника. Говорили, что на спинке кровати. Я, помнится, сильно недоумевал: как можно на таком низком предмете, с помощью какого-то там полотенца, сделать такое с собою? Бросился под колеса паровоза один наш родственник, и сделал это вполне осознанно. Чтобы покончить с собою, он будто бы даже догонял прошедший мимо паровоз...

Трудностей хватало и в нашей семье. Потому хорошо понимаю первое, главное, желание отца в то голодное время: вдоволь поесть... хлеба! Дети, я и Николай, явного, откровенного голода не чувствовали: взрослые в первую очередь ограничивали себя, отдавая всё лучшее детям.

Природная хватка, сноровка, сообразительность, предприимчивость, неизменное трудолюбие постоянно выручали «Коваленків». Помогало нам и то, что из войны мы вышли почти без потерь. Главное, что сохранилось недвижимое имущество. Остальное – дело наживное. Хозяйство мало-помалу налаживалось. Расжились коровой, стали откармливать кабанчика, развели кроликов...

Это очень полезные животные, скажу я вам: быстро размножаются, неприхотливые в кормах; дают не только добротный и недорогой мех, но и прекрасное мясо. После войны их держали во многих дворах. Все тогда вдруг стали «кролиководами» – быстро усвоили секреты их разведения, скрещивания, откорма, болезней и лечения, разделки туш и выделки шкурок и пр. У нас они содержались в двух местах: в яме, вырытой между сараем и погребом, и в клетках, поставленных вдоль «загородки».

Кролики сделались заметным подспорьем в питании семьи. Однако и хлопот добавилось.

Кормежка у них простая: кролики потребляют практически любую растительную пищу. Но ушастые – чрезвычайно прожорливые животные. Они готовы жевать какую-нибудь травку, в том числе и сорную, постоянно. О запасах фуража приходилось думать изо дня в день. Много времени требовал и уход за ними – одна чистка ямы и клеток от накопленного навоза чего стоила. Следить за рационом; присматривать, чтобы самец не забил новорожденных крольчат, – такое уже мелочь...

Кроliками по возможности занимались все члены семейства. Николай сделался основным «специалистом» по убою, свежаванию туш и выделки меха. Мама занималась, есте-

⁴⁸³ Смотри стр. 11.

ственно, приготовлением вкусностей из крольчатины и сбытом шкур. В заготовке кормов участвовали все свободные от других занятий. Приходилось обхаживать железнодорожные насыпи в поисках полыни и всякого разнотравья и мне. Взрослые, правда, меня этим особенно не загружали. От меня в ту пору требовалось главное – учиться.

Обучение в последних классах начальной школы я проходил уже в новом здании. Это была длинная одноэтажная пристройка к зданию дореволюционной железнодорожной школы станции⁴⁸⁴. Учителем теперь у нас был Музы́ка Федор Васильевич – человек спокойный, мягкий, доброжелательный по отношению к детям; как педагог требовательный, но в меру: мы его не боялись. Нам он казался человеком вполне зрелого возраста, на самом же деле ему шел только третий десяток⁴⁸⁵.

Какие занятия из начальных классов отложились в памяти? Это чистописание (полезнейшая, считаю, вещь – во всяком случае, умение правильно и аккуратно писать выручало меня в последующей жизни часто); чтение на скорость; решение арифметических задач... Я старался не огорчать родителей своей учебой, но без переживаний не обошлось. Придя как-то из школы, чуть не плача, жалуюсь: «Я відповідав не гірше, ніж Володька Скринник, а вчитель оцінку мені поставив меншу...» «Та не переживай ти, – успокаивала мама. – Ти що, не знаєш, що Скринничка „підгодовує“ вашого Федора Васильовича? Бігає до нього з бутлями молочка – та все не вулицею, а попід річку, берегом... Щоб менше люди бачили – продовжала мама и заключила: – Треба ж тепер вчителю якось „віддячити“ Володькину маму за її гостинці...»

В это время в классе стали появляться новенькие, с красивыми картинками, учебники. Отпечатаны они были на хорошей бумаге, и, казалось, даже пахли по-особенному. Книжек было немного: на всех не хватало. Поэтому учебники раздавались по одному на группу из нескольких человек. Проживая в некотором соседстве между собою, ученики должны были пользоваться ими по очереди, передавая друг другу после выполнения домашнего задания.

Не всё складывалось гладко при таком порядке. Случались недоразумения, споры. Кто-то задерживал учебник у себя дольше положенного; кто-то, увлекшись улицей или речкой, забыв о находящемся у него учебнике, и вовсе пропадал из виду одноклассников до самого вечера, оставив тех без пособия; кому-то просто лень было заниматься уроками... Тогда на следующий день в классе разыгрывались сценки. Виноватые, не сделавшие домашнего задание, оправдывались: «А він мені книжку не дав... А я його не найшов... А його дома не було...»

Каникулярное лето 1946 года запомнилось несколькими событиями.

Футбол – увлекательная игра. Но где раздобыть мяч? Голь на выдумки хитра. Однажды кто-то из старших ребят принес на луг «свой мяч». Это был шарообразный кусок губчатой, черного цвета, резины. Говорили, он вырезал его из колеса немецкой самоходки. Решили его погонять. Да, «мяч» упругий, здорово прыгает, но очень уж тяжелый. Бить по этому «булыжнику» можно было только подъемом, да и прикладываться к нему надо было что есть силы. Еще один его недостаток – направление полета и отскока не всегда предсказуемы. В испытание ввязался и я – хилый паренек в сравнении с более взрослыми и крепкими членами команды. В какой-то момент, сильно посланный одним из «футболистов», тяжелый спортивный снаряд так долбанул меня в грудь, что сшиб с ног, и я чуть было не потерял сознание... Придя в себя, «играть» с таким «мячом» я уже больше не решился...

Дату другого волнительного события я могу назвать точно – оно произошло 3 июня. Около обеденного часа на станции неожиданно, не в положенный час, загудел заводской гудок, за ним потянулись и паровозные. Что случилось?

⁴⁸⁴ Это была моя уже «четвертая» школа.

⁴⁸⁵ Годы жизни 1921–1980. Захоронен в Гречковке.

Здесь уместно будет сделать небольшое отступление. Я должен рассказать, что это за феномен такой был прежде – эти самые заводские гудки. Какую роль они играли?

Заводские гудки – это в некотором роде общие для всех часы; они задавали основной ритм жизни местности и на протяжении многих предвоенных и послевоенных лет были у нас привычным явлением.

В течение суток главный гудок станции звучал несколько раз.

Первый гудок оглашал станцию и окрестности ранним утром. Он извещал о начале дня – был вроде побудки. Заводчане, железнодорожники начинали подготовку к трудовому дню. Вместе со взрослыми поднимались и школьники. В каждой семье хозяйка, накопив всех завтраком, снабжала мужа узелком с едой на обед и провожала его на работу. Те, кто жил поблизости от места работы, шли туда пешком; другие спешили к рабочим поездам (народ на станцию свозился со всех железнодорожных направлений). В это же время дети отправлялись в школу.

Второй гудок раздавался в ту минуту, когда начиналась рабочая смена. Одновременно с ним на производствах включались станки, другие механизмы. Каждый работник должен был уже находиться на рабочем месте и быть готовым к исполнению полученного задания.

Третий гудок звучал на исходе дня. Обычно он возвещал об окончании первой, дневной, рабочей смены, а если была еще и вторая, то о начале и этой, ночной, смены. По этому гудку рабочие быстро наводили за собою порядок и отправлялись по домам до следующего утра. Их место тут же занимали сменщики второй смены, и производственный процесс продолжался до глубокой ночи.

С гудками согласовывали распорядок дня не только рабочие и служащие станции, в режиме заводского гудка жило всё местное население, в том числе старики, дети. С третьим гудком жилища «тружеников-кормильцев» наполнялись атмосферой ожидания возвращения их домой после трудовой смены. Хозяйки хлопотали с готовкой ужина, старики ждали услышать новости дня; радовалась и детвора, выбегавшая навстречу отцам и старшим братьям. Короткие вечера в постоянных семейных занятиях быстро проходили, и, после плотного ужина (у главы семьи иногда с рюмкой), утомленные дневным трудом люди спешили забыться сном, чтобы набраться новых сил к предстоящему утру. И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Жизнь от гудка до гудка сделалась традицией.

Были, однако, и экстраординарные гудки, нарушавшие привычный уклад. В таких случаях к протяжному реву заводского гудка многоголосым хором подключались гудки десятков паровозов, находившихся в тот час на станции. Мощный общий рев возвещал (и мы это все знали!), что случилось что-то чрезвычайное. Чаще всего по такому гудку народ сзывался на митинг. Шли туда с тревогой в душе, готовясь услышать что-то недоброе.

Именно такой необычный, тревожный, гудок мы и услышали на лугу в тот июньский день. Причина, по которой он прозвучал, вскоре выяснилась: умер Михаил Иванович Калинин – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, он же формальный глава государства...

Печальное известие, полученное из далекой Москвы, эмоционального впечатления на меня не произвело. Да, дедушку Калинина, «всесоюзного старосту», как его называли, мы все знали. Но чем он знаменит? Другое дело, к примеру, настоящие герои прошедшей войны, прославленные маршалы Жуков, Василевский, Конев, Рокоссовский⁴⁸⁶...

Гораздо сильнее меня тронула трагедия, разыгравшаяся чуть позже, в том же июне, на Тясмине.

Жаркий день. Почти вся уличная ребятня у речки, на Камне.

Со стороны станции подошли двое нездешних пацанов.

⁴⁸⁶ Открытки с их фотографиями красовались у нас на комод в гостиной. Там же, помню, было выставлено и фото гromадного, с длинным стволом, советского артиллерийского орудия.

Чужаки в районе нашего отдыха – не редкость. Вот и накануне тут слонялись. Тоже двое, но взрослые и при этом странно одетые – в полосатых пижамах... Оказалось, беглецы из психбольницы, недавно открытой в станционном поселке. Присмотр за больными в новом заведении оказался недостаточным, и они частенько убегали «на волю».

Сегодняшние пришельцы путешествовали, судя поговору, издалека. «Предводитель» пары года на два старше меня, его младшему товарищу лет восемь. Нет, не братья, но крепко сдружились. Что их объединило в пути? Похожие судьбы? Общая цель? Наверное, они были из тех, кто, потеряв в войну родных и близких, подались искать хлебного места в южных краях. Одним словом, – беспризорники...

Скитальцев в те годы было немало⁴⁸⁷. Любители «попутешествовать» встречались и среди наших хлопцев. Таким был сын в семье Дохленко, которая проживала в Рабочем переулке. Он несколько раз убегал из дому, каждый раз его отлавливала железнодорожная милиция, снимала с товарняков и доставляла родителям. Его безжалостно пороли, но он снова пускался в бега. Куда, в конце концов, он делся, как с ним обошлась судьба, не знаю: с нашей уличной компанией этот сорванец не водился...

Оказавшись около Камня, чужие остановились передохнуть. Разделись, аккуратно сложили одежды и некоторое время с завистью смотрели, как резвились местные ребята. Счастливики! Вода вокруг бурлила. Малыши плескались на мелководье, старшие прыгали с разбега с Камня – бомбочкой, солдатиком, рыбкой... И не беда, что никто еще не умел плавать⁴⁸⁸. Зато каждый прекрасно знал границы дозволенного: знал, как далеко можно прыгать с того или другого места на Камне, где надо выныривать; где мелко и безопасно, а где глубоко.

Меньшой из гостей первым присоединился к купающимся. Старший, наблюдая, как его товарищ-неумеха бултыхается, подзуживал: «Эх, ты, трусишка! Боишься прыгнуть?» Тот, действительно, осторожничал. «Показать тебе, что такое настоящий прыжок? Тогда гляди и учись!» – наставительно изрек старший. Длинный разбег, прыжок... Вынырнул он на середине реки, где глубина была «с головой» и было сильное, по нашим мерам, течение. Взмахнув руками, парень пошел ко дну. Наш «герой»... не умел плавать! Оттолкнувшись от дна, он на секунду-другую выныривал, хватал, захлебываясь, воздух и снова погружался. Течение уносило его всё дальше, а там глубина уже «с руками»⁴⁸⁹. Голова его появлялась над водой всё реже и реже... Минуты через две он пустил последние пузыри.

Всё это мы, растерянные, бегали вдоль берега, однако никто не отваживался броситься спасать тонущего. Во-первых, как я уже сказал, никто из нас по-настоящему плавать не умел; во-вторых, мы слышали, что у тонущего такая цепкая хватка, что он легко может утащить за собою и спасателя.

По зову прибежал с улицы кто-то из взрослых. Нырнул, нырнул в указанном месте – безрезультатно. В конце концов, утонувшего он нашел и вытащил – того порядочно снесло ниже по течению. Тут же привели медсестру Гашу, дочку бабы Плющихи⁴⁹⁰. Тело бедолаги разложили на Камне, Гаша долго с ним возилась – делала массаж грудной клетки, искусственное дыхание. У него, помню, изо рта даже выступило что-то красное... Думали, кровь, но, приглядевшись, поняли: это было содержимое желудка – недавний завтрак из вишен, которыми ребята полакомились в пути... Короче говоря, откачать утопленника не удалось...

⁴⁸⁷ Надо сказать, миграция людей в первые послевоенные годы была характерна вообще для всего населения. В поисках лучшего места переезжали семьями, перемещались отдельные члены семьи, молодежь... Вот и в нашем классе новые ученики появлялись постоянно. Мы не успевали к ним привыкнуть, как они уезжали куда-то, но спустя какое-то время могли возвратиться, а затем опять исчезнуть...

⁴⁸⁸ Прилично плавающими у нас считались те, у кого хватало силенок доплыть до гречковского берега и кто затем, хорошенько отдышавшись, мог добарахтаться обратно.

⁴⁸⁹ Это когда не видно поднятых рук стоящего на дне.

⁴⁹⁰ См. стр. 11.

Говорят, человек учится на опыте. А каким уроком случившееся на Камне несчастье стало для меня?

Несколько дней спустя.

В этот раз на речке – почти никого. Я прошелся немного в сторону выгона – кажется, высматривал под вербами удобное место для предстоящей рыбалки. И – черт меня дернул полезть в воду! Я не предполагал, что, в отличие от знакомых мест вокруг Камня, дно здесь было обрывистое, а вдобавок еще и очень скользкое. Едва ступив с берега, я поскользнулся и, уйдя с головой в воду, стал тонуть! Плавать тогда, как уже говорилось, я НЕ УМЕЛ! До сих пор помню лихорадочное состояние, которое в тот миг меня пронзило. Прямо-таки дух перехватило. Судорожно глотая воздух, я инстинктивно хватался за реденькие клочки травянистой растительности у кромки воды, но они рвались и выскальзывали из рук... Наконец, спасительный захват удался, и я, трясясь, выкарабкался на берег. Бешено колотилось сердечко...

Испуг был страшный. До меня не сразу дошло, что я мог действительно утонуть – я в тот момент больше боялся, что о моем дурном поступке узнают дома... К счастью, в семье о моем опасном приключении тогда не услышали. Свидетелей его не было, а сам я молчал как рыба. Я мог бы открыть родственникам эту тайну своего детства как-то потом, став взрослым, да не пришлось... Вот и приходится об этой страничке жизни рассказывать впервые лишь на склоне лет. Для чего, спросит возможный читатель? Главным образом для характеристики послевоенной эпохи. Ныне трудно себе представить: в те времена детишки проводили весь свой досуг на речке абсолютно без какого-то присмотра и опеки родителей. НЕ УМЕЯ ПЛАВАТЬ!..

Четвертый класс мы заканчивали уже пионерами. Вожатой над нами была назначена девочка Тамила из седьмого класса – старше нас всего-то годика на три! На первый взгляд, чудно, да и только! Но не будем смеяться. Видимо, уже тогда школьные педагоги разглядели в этой ученице будущую себе смену. Они не ошиблись! Спустя 15 лет Тамила Ивановна Касьяненко⁴⁹¹ сделалась директором школы!

Что-то подобное, помнится, чуть было не случилось и со мною. Не то в седьмом, не то в восьмом классе, меня, отличника и подающего надежды на успешную в будущем «карьеру», тоже «тянули» в пионервожатые. Но что-то там не сложилось – и, слава Богу!

76. Пионер – всем ребятам пример. 4-й класс. Фото из моего архива

⁴⁹¹ По мужу Остапенко.

В четвертом классе некоторое время мы занимались в основном двухэтажном здании старой школы⁴⁹². Здесь же готовились и к выпускному экзамену. Конечно, сильно волновались. А как же? Ведь предстояло первое в жизни ответственное испытание. Экзамен проходил в праздничной обстановке и, разумеется, чувствовалась серьезность события. Когда акт закончился, все вздохнули с облегчением...

77. Четвертый класс железнодорожной школы № 22⁴⁹³. Осень 1946 г. Фото из моего архива

К началу следующего, 1947/48-го, учебного года нас перевели в очередное учебное здание. Располагалось оно по соседству с двумя предыдущими – у самого переезда, ведущего к главной проходной завода. И это была моя «шестая» школа. «Новая» школа оказалась более просторной, нежели такая же, одноэтажная, «четвертая» школа, в которой мы длительное время занимались прежде⁴⁹⁴. В новом здании разместились несколько классов, один из которых, точно помню, был старше нашего⁴⁹⁵. Был в этой школе даже «спортив-

⁴⁹² Это была «пятая» моя школа.

⁴⁹³ Слева направо:

сидят на полу: ...Анатолий Романюк (4-й)...

сидят на стульях: ...Л. Квотченко (2-я), Валентина Сук (4-я), учитель Ф.В. Музыка (5-й),

Лариса Пастух (?) (6-я), Лариса Яшник (7-я), Ольга Артеменко (?) (8-я)...

стоят (нижний ряд): ...Анатолий Коваленко (3-й), Александр Карамушка (5-й),

Александра Решетняк (6-я)...

стоят (верхний ряд): ...Владимир Скрынник (2-й), Рудый (?) (3-й), Владимир Копыл (4-й)...

⁴⁹⁴ Одно из помещений той, прежней, школы занимало теперь производство лимонада, которым заведовал глава известного уже нам семейства Литвиненко. Случалось, я к нему заглядывал не стесняясь: как ни как – бывший наш сосед (к тому времени Литвиненки проживали уже где-то на станции).

⁴⁹⁵ В нём уже изучали химию. Об этом свидетельствовала, висевшая в коридоре между классами, большая, привлекавшая нас, еще не проходивших химию ребят, своей загадочностью, «Таблица Менделеева» (знаменитая «Периодическая таблица химических элементов Д.И. Менделеева»).

ный» зал – небольшое помещение, в котором проходили занятия по физкультуре и даже играли в баскетбол (благо, позволял высокий потолок).

С прежним учителем-воспитателем Музыкой Федором Васильевичем, единственным в начальных классах, мы распрощались. Теперь по каждому предмету с нами занимались уже разные учителя. Классной руководителем была назначена Анна Трофимовна Мищенко, которая и вела нас до самого выпуска.

К осени 1947 года школа здорово пополнилась учениками. Вот и в нашем, пятом классе, их количество увеличилось до 40 человек – более чем на треть!

Среди новеньких выделялись несколько дивчин-переростков. Хотя за последний год мы подросли, но меряться возрастным развитием с ними мы не могли. Даже в сравнении с самыми рослыми и крепкими из нас, а особенно рядом с нашей малышкой, те выглядели вполне зрелыми девицами. Держались они несколько особняком, так что мы внимание свое больше обращали на своих сверстниц.

Кажется, еще совсем недавно влечение к одноклассницам ребята выказывали тем, что, гоняясь за ними во время перемен по школьным коридорам и двору, норовили чувствительнее дернуть свою избранницу за руку, косичку или шлепнуть тетрадкой. За первой девочкой класса, обаятельной Анькой Колядой, таким вот образом «ухаживали», с надеждой заслужить ответное ее внимание, сразу несколько «кавалеров»...

Что касается меня, то я, не в меру скромник, в вопросах отношений между мальчиками и девочками был совершенным невеждой. Когда один из уличных моих приятелей, как-то поинтересовался, знаю ли я, как называются детородные «части» у мальчиков и девочек, то я ужасно «опозорился». Названия-то я их худо-бедно знал, но... перепутал. Мужской писюн назвал «пизда», а женскую пипиську – «хуй»! Эта тогдашняя моя «неграмотность» вполне объяснима. Прежде мне никто об «этом» не рассказывал. Ни в семье, ни на улице не слышал я и матерных слов.

Другое дело теперь – всё-таки мы уже пятый класс!

Набираясь в общении с ровесниками, с более зрелыми пацанами знаний по женской «физиологии» и всяким прочим интимным моментам, мы быстро выросли.

В какой-то сотне метров от школы, перед заводским клубом и совсем рядом с железнодорожными путями, была небольшая площадка со скамейкой. Вот здесь-то и собиралась разношерстная ребячья публика. Это была, как мы бы сейчас сказали, наша внешкольная тусовка. Тут мы обменивались новостями, выслушивали байки бывалых хлопцев (по большей части из пришедшей братии)...

Заезжие, дабы заслужить авторитет в глазах местной неискушенной ребятни, фантазировали без удержу. «Спрашиваете, как жилось в эвакуации? – начинал исповедь очередной „просветитель“. – Да что там говорить... Туго жилось. Кругом одни бабы, старики да дети... Здоровыми мужиками и не пахло: все на фронте... А как бабам без них? Так вот, одна молодуха – у нее от долгого воздержания вся давалка расчесалась – выход придумала. Добыла где-то палку колбасы и той палкой каждый вечер дровича себя... Представляете, колбаса вместо орудия горячего ёбаря? Ха-ха-ха!.. Сам видел через окно: она была нашей соседкой». Мы сидели, раскрыв рты и развесив уши... Участвовал он, оказывается, и в жестоких разборках, даже с убийствами... Убивал ли он сам кого-то? «Да, приходилось...» Мы терялись от такого откровения заливалы и о подробностях его «геройств» уже расспрашивать не решались...

Как-то раз на станции гастролировал небольшой цыганский ансамбль Одесской железной дороги. Выступил он и в нашей школе. «Концерт» состоялся в спортивном зале. В его скромненьком помещении устроились и «сцена» и мы – зрители. Отдельного места для «публики» здесь, собственно говоря, не нашлось – мы просто теснились вдоль стен. Впервые и, пожалуй, единственный раз в жизни я смотрел представление, можно сказать, прямо перед своим носом. И произвело оно на меня неизгладимое впечатление.

Коваленю Анатолий Гавлович

78. Мои школьные здания:

- а) здание, в котором мы занимались со 2-го по 4-й классы («**четвертая**» моя школа), 2013 г.;
- б) здание, в котором мы заканчивали начальное образование («**пятая**» моя школа)⁴⁹⁶, 2005 г.;
- в) здание у переезда к проходной завода («**шестая**» моя школа)⁴⁹⁷, 2013 г.;
- г) двор школьных зданий, ок. 2014 г. Все фото мои.

⁴⁹⁶ Это здание построено на станции для железнодорожной школы еще до революции. Оно виднеется за одноэтажным зданием и на предыдущем снимке – снимке а).

⁴⁹⁷ На переднем плане – «спортивный» зал.

Запомнились яркие цветастые одежды артистов, зажигательные пляски мужчин – неистовый ритм, виртуозное обхлопывание себя ладонями, искрометная дробь ногами... А страстные танцы молоденьких цыганок и вовсе нас ошеломили. Они потрясли нас, скромников, своим неприкрытым «бесстыдством». Тут было всё: игра животом, бедрами, плечами; кокетливое заигрывание со зрителями... Длинные пышные юбки задорных кокеток порхали буквально над нашими головами, и ты в какой-то миг мог оказаться чуть ли не под подолом у юной прелестницы... Цыганки сдерживать чувства не привыкли... Мы стояли огорошенные...

После таких, полученных в пятом классе, нетрадиционных «уроков» мы смотрели на представителей противоположного пола уже иными глазами...

Вернусь, однако, к нашему кружку общения около клуба.

Постоянным предметом «базара» в этом собрании в послевоенные годы было обсуждение новых трофейных фильмов.

Надо понимать, что далеко не все имели возможность попасть тогда в кино, но всем хотелось узнать, что показывают. Спросите, как мы удовлетворяли свой интерес? Объясняю.

В названный период сложился и с успехом подвизался весьма интересный тип доморощенных «артистов» – рассказчиков фильмов. Если у тебя не получалось попасть в клуб, то слушали этих «сказителей». То были в своем жанре настоящие мастера. Они в мельчайших подробностях описывали обстановку, действие фильма; изображали в лицах киношных персонажей и обстоятельно передавали диалоги. То и дело слышалось: «А он говорит... А она ему отвечает... А тот как двинет...» и т.п. Просмотрев такое представление, ты уже сам решал, пробиваться в клуб на этот фильм, или можно его пропустить.

Фильмы крутили почти каждый день и с утра до ночи. Билет стоил «копейки», но родители денежку на кино давали не всегда: «копейки» эти имели тогда хорошую цену и были заметными в семейном бюджете. Пустой карман – не беда. Шустрые ребята находили способы пробираться в зрительный зал и без билета. Кто-то, когда образовывалась толчая проходящих на очередной сеанс, пристраивался между взрослыми и мог прошмыгнуть в зал незамеченным, кто-то проходил «по знакомству» с билетершей⁴⁹⁸... Я же проходил «легально» – по фальшивому билету! Как я его делал?

Сначала идешь в кино по настоящему, купленному, билету. На входе в зал билетерша-контролер обычно отрывает от него и оставляет у себя контрольный корешок. Теперь задача – изловчиться и «стрельнуть» его обратно. Вертишься рядом, смотришь, что происходит в сутолоке сзади. Частенько твой или чей-то корешок оказывался на полу под ногами напиральной очереди. Подобрать сей заветный синенький бумажный клочок уже не составляло труда. Ну а дальше всё просто. Уже дома аккуратно приклеиваешь добытый корешок к оставшейся у тебя на руках части билета от прошедшего сеанса – и новый (уже даровой) билет готов! С подложным билетом можно было идти теперь на любой фильм и любой сеанс. Я так искусно научился подделывать билет, что контролерша фальшивку не замечала. Мне удавалось, помню, таким вот образом «восстанавливать» один и тот же билет даже повторно!..

В пятом классе у меня впервые пробудился осознанный интерес к истории. Это никак не связано с тем, что мы начали изучать тогда «Историю Древнего мира». Дело всё в том, что осенью 1947 года в стране широко отмечалось 30-летие Великой Октябрьской социалистической революции. К празднику начали готовиться задолго до юбилейной даты. Готовили и нас, школьников. Нам объясняли, каким великим событием явилась наша революция в истории страны и всего человечества. Она «освободила народ от гнета ненавистного царского режима и паразитов-эксплуататоров», привела к невиданному росту экономики, науки, культуры, промышленности, сельского хозяйства... Достижения советской власти сравнивались при этом с показателями царской России 1913 года...

⁴⁹⁸ В клубе Малой Яблоновки мы пролезали через форточку в окне за сценой, прятались там за экраном, а когда гасился свет, прокрадывались в зал.

79. Пятый «Б» класс⁴⁹⁹. На обороте надпись моею рукою: «V^б кл. С.Ш. № 22 1947 г.». Осень 1947 г.
Фото из моего архива

Для меня, малолетки, давность в 30 лет – это уже «глубокая» старина, для моих же предков – совсем близкое, недавно пережитое, прошлое ...

Отголоски прошедшей эпохи я улавливал в ярких эпизодах, о которых иногда вспоминали в семье.

Машинист Яков Ревенко⁵⁰⁰ после черной работы на паровозе вернется, бывало, из поездки, переоблачится в выходной костюм, наденет БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ, наполнит карманы гостинцами и, захватив с собою друга Карпа, – на улицу «гулять»... И непременно одаривать местных девиц «конфетами» и прочими разными лакомствами!

Один рассказ меня будоражил особенно. Некто из малояблоновских краснодеревщиков работал в мастерских на постройке особого, классного, вагона. Продолжительное время он не получал зарплаты: по договору полный расчет бригада получала лишь по закрытии подряда. Когда же готовый вагон был сдан дороге, он, рассказывали, принес домой в картузе ЦЕЛУЮ ПРИГОРШНЮ... ЗОЛОТЫХ МОНЕТ!

⁴⁹⁹ Слева направо:

сидят: ... Анна Коляда (2-я), Л. Квотченко (4-я), Лариса Яшник (5-я), Александра Решетняк (7-я), классная руководительница Анна Трофимовна Мищенко (8-я)...

стоят (средний ряд): ... Лариса Пастух (?) (2-я), Владимир Ковальчук (4-я), Владимир Скрынник (6-й), Анатолий Коваленко (9-й), Александр Карамушка (10-й), Борис Диденко (11-й), Иван Цема (12-й), Валентина Сук (13-я)...

стоят (верхний ряд): ... Леонид Котляренко (7-й), Владимир Копыл (8-й), Рудый (10-й), Анатолий Романюк (12-й)...

Иван Цема (мой товарищ) и стоящая рядом с ним Валя Сук улыбаются. Объяснение простое: Иван, шутник, в момент съемки ущипнул девочку за попу (сам мне потом рассказывал!).

⁵⁰⁰ Уже знакомый нам Яков Матвеевич Ревенко, в молодости друг дедушки Карпа.

Да, подробности досоветской жизни производили впечатление, заставляли задумываться.

Я всматривался в дореволюционные семейные фотографии, и как-то не верилось, что запечатленные на них мои дедушки, бабушки, их друзья, кумовья – все они и есть жертвы тех самых угнетений царского режима, о которых нам талдычили в школе...

А не спросить ли у деда прямо, как же на самом деле жилось простому люду при царе, панах да при графе Бобринском? Дедушка же – живой свидетель того времени! Однако, наученный непростым жизненным опытом, он от ответа ушел: «Ти краще звернись до діда Чернегеля, він старший за мене, то, може, він що-небудь і розповість...» Взрослые, и в первую очередь дедушка, прекрасно понимали: в таких случаях лучше держать язык за зубами. Брякнешь что-нибудь не то, дойдет до власти и может не поздоровиться. Сколько его знакомых в прежнее время были объявлены «врагами народа» и бесследно сгинули! Вон в тридцать седьмом году в нашей Яблоновке только в одну ночь взяли пятерых таких... Отсылая меня к Чернегелю, дед Карпо, наверное, подумал, что тому уже всё нипочем. Этому дедуле, нашему близкому соседу, было уже под сотню годочков. Он показывался вне дома редко – обычно в теплое время выползал из хаты и грел кости под солнышком на уличной скамейке. Подкараулив подходящий случай, мы с кем-то из приятелей подвалили к уличному старцу и осторожно задали наш вопросик: как оно было при панах? Но и тут – неудача. Чернегель, хоть и был словоохотлив, тоже предпочел отмахнуться от нашего любопытства общей фразой: «Як жилося, як жилося... Так і жилося...»

На том и закончились мои поиски правды...

Если мой интерес к прошлому вскоре угас, то открывшееся в это же время влечение к чтению, книгам осталось у меня на всю жизнь...

Впервые с книгой «высокого», по моим детским меркам, достоинства я встретился в доме Ивана Зайченко⁵⁰¹. Это было старое дореволюционное издание по естествознанию, богато иллюстрированное гравюрными картинками. Изображенные на них заморские земли, страны; диковинные животные, невиданная растительность; страшные извержения вулканов, огромные смерчи, наводнения, землетрясения – всё это могло пленить чью угодно впечатлительную головку. С той книгой я столкнулся «давно» – еще до войны или во время оккупации. Полностью насладиться ею я не мог. Читать-то я тогда не умел!

В общем, вплоть до седьмого класса я знал лишь скучные учебники. «Настоящих» книг, тех, которые захотелось бы читать по своей охоте, а не по обязанности, – таких книг я, можно сказать, в руках еще не держал.

И понятно почему.

В школе библиотеки не было, она появилась позже – когда мы учились уже в старших классах. Была она бедненькой, и никто туда не заглядывал. Из книг, которые могли бы представлять интерес для ребят, здесь можно было найти лишь повесть В.П. Катаева «Сын полка». Мы ее уже «проходили» в классе. Странно, но она меня не тронула, так что перечитывать ее не тянуло...

Полагаться на домашние библиотеки также не приходилось: они в те годы были редкостью. В лучшем случае у кого-то можно было найти две-три заурядных книжицы, затерявшиеся за ненужностью в каком-нибудь закоулке... То же, кстати, было и у нас. Что толку, что в гостиной стояла, смастеренная отцом, книжная этажерка? В основном она использовалась для семейных безделушек да школьных принадлежностей и нотных тетрадей брата Николая. Из нескольких книг, которые на ней держались, мое внимание привлекло, пожалуй, лишь толстенное учебное пособие по агрономии⁵⁰². На его титульном листе выделялась знаменитая ленинская фраза: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом»... Словом, в детские годы книг художественной литературы я на той этажерке не видел.

⁵⁰¹ Смотри о нём на стр. 11.

⁵⁰² Покупка студента техникума Николая – будущего специалиста по механизации сельского хозяйства.

Толчком к новому увлечению послужил роман-робинзоида Жюль Верна «Таинственный остров». Обладательницей ее была Тетяна – дочь нашей ближайшей соседки «бабы Паши»⁵⁰³. До войны Тетяна работала учительницей, так что книг у соседей водилось несколько больше, чем в других домах... Обращаться к ней за книгами я опасался по двум причинам. Во-первых, я перед ней робел, подобно тому как обычно робеет кроткий школяр перед неприветливым, строгим наставником. Во-вторых, я подсознательно побаивался ее, как бывшую жену немецкого пособника Василия Мотузенко⁵⁰⁴. Короче говоря, книгу Жюль Верна я у Тетяны, как мне кажется, не спрашивал – видимо, она попала мне в руки случайно. Прочитал я ее на одном дыхании: так захватил меня волшебный мир приключений. Я остался в совершеннейшем восторге от этой поистине великой книги.

С той поры я стал специально охотиться за книгами из библиотечки Тетяны. До сих пор помню, какое потрясение испытал, прочитав историю Матео Фальконе⁵⁰⁵; помню, с какой жадностью читал повествование об Алитете и прошлом далекой Чукотки⁵⁰⁶. Даже жизнеописание некоей княжны какой-то, неизвестной мне, дореволюционной писательницы было прочитано с искренним интересом⁵⁰⁷... В ту пору во мне открылась такая тяга к чтению, что я прочитывал «от корки до корки» даже... газеты!

Любовь к чтению я пронес через всю жизнь – она стала моей хронической «болезнью»⁵⁰⁸. Всепоглощающей страстью она, однако, не стала: у меня в жизни были и другие серьезные увлечения. О них я еще буду рассказывать...

В 1948 году на станции действовало уже два средних учебных заведения.

В том году большая часть учеников школы № 22, в том числе и наш класс, были переведены в новое большое, только что отстроенное, здание вблизи станционного поселка⁵⁰⁹. Это была моя «седьмая» и последняя школа. Она сохранила прежнее свое название «средняя железнодорожная школа № 22», находилась в ведении Министерства путей сообщения СССР и непосредственном подчинении Одесской железной дороге.

В этой школе я проучился до самого выпуска.

А в здании дореволюционной постройки (смотри фото **78-б**) осталось действовать незадолго до того отпочковавшееся от нас еще одно заведение – школа № 44. Эта школа, в отличие от моей, никакого отношения к железнодорожному ведомству уже не имела и, скорее всего, состояла в системе Министерства просвещения Украины. Ее мы называли «русской», так как преподавание там велось на русском языке. В остальном ребята, учившиеся в школе № 44, были такими же, как и мы – «украинцы». Мы дружили с ними, у нас у всех были одинаковые интересы, занятия, и вне школы все мы разговаривали на общем, привычном суржике...

Между прочим: моя первая любовь по имени Лида Дохленко, которой я так и не успел открыться в своем чувстве, училась, как раз в «русской» школе.

⁵⁰³ Об их семье смотри на стр. 10.

⁵⁰⁴ После освобождения от немцев он пару раз тайно, ночью наведывался к Тетяне (от соседей этот факт не скроешь!), а потом бесследно исчез и уже больше никогда не объявлялся. Свой век Тетяна доживала уже с другим мужем (звали его Тимофеем)...

⁵⁰⁵ Герой новеллы французского писателя Проспера Мериме «Матео Фальконе».

⁵⁰⁶ Роман Т.З. Сёмушкина «Алитет уходит в горы» (1947–1948 гг.).

⁵⁰⁷ Если я не ошибаюсь, это была русская детская писательница Л.Е. Чарская (1875–1937).

⁵⁰⁸ В настоящее время моя домашняя библиотека насчитывает не столько тысяч книг. Около полутора сотен из них отмечены подарочными автографами авторов.

⁵⁰⁹ По нынешнему адресу ул. Лобачевского, 1.

Встречал заявления новоявленных смелянских авторов: что здание это было построено еще в 1935 году, что в годы войны оно служило общежитием для немецких офицеров, а «8 января 1949 года (?), отступая, немецкие оккупанты помещения школы сожгли, оставив только каменную коробку школы». Приходится сомневаться в полной достоверности этих сведений. Почему? Во-первых, молодые «летописцы» школы не научены приводить первоисточники, а во-вторых, мы, учившиеся в этом здании сразу после его «открытия» в 1948 году, никогда не слышали, что оно существовало еще до войны и использовалось оккупантами.

80. Здание средней железнодорожной школы № 22⁵¹⁰. Конец 1940-х гг. Фото из моего архива

Из школы я вынес солидный багаж знаний.

Вот перечень предметов по выпускному аттестату, которые мы изучали.

- 1) Русский язык;
- 2) Русская литература;
- 3) Украинский язык;
- 4) Украинская литература;
- 5) Алгебра;
- 6) Геометрия;
- 7) Тригонометрия;
- 8) Естествознание⁵¹¹;
- 9) История СССР⁵¹²;
- 10) Всеобщая история⁵¹³;
- 11) Конституция СССР;
- 12) География;
- 13) Физика;
- 14) Астрономия;
- 15) Химия;
- 16) Французский язык.

⁵¹⁰ После достройки в 1971 году боковых корпусов это здание приняло несколько другой облик. Ныне в нём расположена «Смілянська загальноосвітня школа І–ІІІ ступенів № 10» – преемница прежней школы № 22.

⁵¹¹ Включало, в частности, зоологию и ботанику.

⁵¹² Отдельно включала Историю Украинской ССР.

⁵¹³ Включала: Историю Древнего мира, Историю средних веков, Новейшую историю.

Кроме предметов, вошедших в аттестат, у нас преподавались также: черчение, логика, психология, начальная военная подготовка и, разумеется, физкультура.

Набирались знаний мы и на факультативных занятиях. Для этого имелся целый ряд кружков. Некоторые из них собирались от случая к случаю и по причине своей малопользности общее внимание не привлекали. К таким отношу кружки: музыкальный, танцевальный, рисования, художественной гимнастики...

Вот, к примеру, **музыкальный кружок**.

Узнав как-то о его существовании, я заглянул туда. И что увидел? Сидят несколько ребят – слушают, как «маэстро» лихо наяривает на мандолине революционное творение «Мы – кузнецы, и дух наш молод...». Бренчит, явно фальшивя... В то время я уже знал нотную грамоту, был приличным аккордеонистом и играл даже классические вещи – к примеру, знаменитый «Турецкий марш» Моцарта. В школе без меня – аккомпаниатора и сольного исполнителя – не обходилось ни одно музыкальное мероприятие... При таком положении вещей несерьезное «музыкальное общество», с которым я познакомился, заинтересовать меня не могло. И я тут же выбросил его из головы...

Похожее произошло и с **кружком рисования**.

Я присутствовал на первом его занятии. Руководитель кружка⁵¹⁴ долго и нудно рассказывал, как надо накладывать тени на рисунке большого парусника, и лениво демонстрировал процесс. Мне было всё понятно и без его разъяснений. Я с трудом высидел «урок» до конца.

Рисовал я с самого раннего детства. Азы этого искусства перенял у брата Николая. Именно он научил меня рисованию методом «сетки» (или «клеточки»). Дальше я уже совершенствовался самостоятельно, так что считаю себя самоучкой.

В первых классах пробовал рисовать акварельными красками, однако эту технику до конца освоить не сумел: слишком много было мороки с красками и кистями⁵¹⁵. Другое дело – карандаши. Я преуспел в рисовании именно этими инструментами и в школе считался признанным рисовальщиком-оформителем.

Однажды нарисовал здоровенного, красного цвета, рака – учебное пособие по зоологии. Как же гордился этим моим «произведением» дедушка Карп... В другой раз был нарисован портрет А.С. Пушкина – учебное пособие по литературе... Володя Скрынник, который приписывал к портрету текст, в 2010 году уверял меня: в школе моему «искусству художника» удивлялись все...

Нужно ли теперь говорить о том, что первый же, упомянутый выше, «урок» в школьном кружке рисования стал для меня и последним? Учиться там мне было нечему...

Что касается кружков танцевального и художественной гимнастики, то я их и вовсе сторонился: там занимались преимущественно девочки⁵¹⁶...

Из спортивных кружков-секций помню еще такие: **спортивной гимнастики, легкой атлетики, баскетбола, ручного мяча**. Строго говоря, это были даже не секции, а отдельные, нерегулярные занятия для пары-тройки способных в том или ином виде спорта ребят. К примеру, Оля Артеменко была прирожденной бегуньей-спринтером: при общем старте она опережала всех – и девчонок и мальчишек⁵¹⁷. Разносторонние спортивные таланты

⁵¹⁴ Вел его молодой учитель, имя которого я не запомнил.

⁵¹⁵ Краски продавались тогда исключительно в твердом виде – в виде кирпичиков, уложенных в прямоугольные формочки-кюветы. Во время работы требовалось постоянно смачивать их водой для получения необходимой консистенции. Не успеешь наложить пару мазков, как краска, гляди, уже подсохла; надо употребить другой цвет, не готова кисть – измарана предыдущей краской. Так и возись попеременно то с краской, то с кистями – смачивай, разводи, отмывай...

⁵¹⁶ По свидетельству Жанны Юрченко, танцевальным кружком руководила наша бывшая пионервожатая Тамила Ивановна Касьяненко. Она будто бы лично свела Жанну и Виктора Олейника в пару, и они даже танцевали чардаш...

⁵¹⁷ После школы она продолжила обучение на спортивного педагога в Черкасском педагогическом институте.

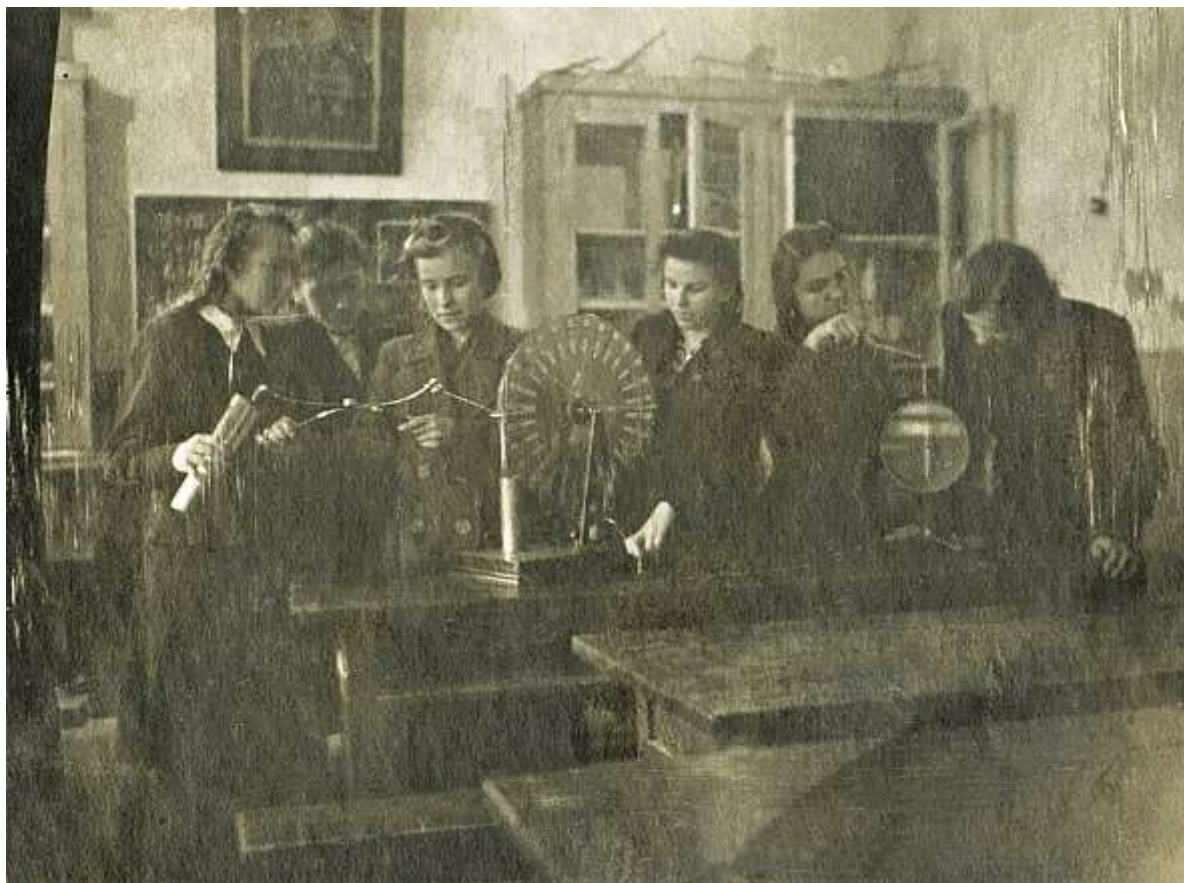
демонстрировал Саша Карамушка (в метаниях, баскетболе, других спортивных дисциплинах)⁵¹⁸. Особенным вниманием и опекой со стороны наших преподавателей физкультуры пользовался Витя Могилей⁵¹⁹ из 10-го «А» класса. В беге на 100 метров он показывал незаурядные для того времени и его возраста результаты.

Особенно был популярен в школе **гандбол**. Им занимались, можно сказать, все. Не помню, чтобы по этому виду спорта были какие-то специальные тренировки или занятия, зато в соревнованиях участвовали все средние и старшие классы. Играли с таким азартом, что, случалось, семиклассники выигрывали у десятиклассников! Я тоже принимал некоторое участие в тех «баталиях», однако заметного места в моей спортивной «биографии» они не оставили: мои занятия физической культурой по большей части к школе отношения не имели и проходили в летнее, каникулярное время⁵²⁰.

А теперь о **значительных кружках**.

Первым упомяну **кружок по физике**.

Собирался регулярно в отлично оборудованном кабинете физики и являлся хорошим подспорьем классных занятий. Может показаться несколько странным, но здесь главным образом упражнялись наши девочки-прилежницы. Отлично успевающие по физике мальчики, наверное, считали посещение кружка излишним делом. По крайней мере, так считал я.

81-1. Школьный кабинет физики. Эксперимент по статическому электричеству⁵²¹. 1953 г.

Фото из моего архива

⁵¹⁸ Он тоже окончил спортивный факультет в Черкассах и впоследствии стал известным на Украине тренером по гребле.

⁵¹⁹ Сын нашего учителя по химии.

⁵²⁰ О них – речь еще впереди.

⁵²¹ Слева направо: Лариса Яшник, Лиля Погрибная (моя симпатия из 10-го «А» класса), Лариса Пастух, Нина (10 «А» класс, подруга Ларисы Яшник), Жанна Юрченко, неустановленная.

81-2. Школьный кабинет физики. Расчет электрической цепи. У доски Лариса Пастух. 1953 г.
Фото из моего архива

81-3. Школьный кабинет физики. Собираем электрическую схему⁵²². 1953 г.
Фото из моего архива

⁵²² Слева направо: неустановленная, Нина, Лариса Яшник, Лиля Погрибная.

Самым известным у нас и громким кружком надо признать **хоровой**.

Строго говоря, на станции было два школьных хора. Один – в нашей школе. Им руководил аккордеонист Попель⁵²³, бывший учитель музыки моего брата Николая. Второй хор объединял коллективы школ № 22 и № 44. Этим, сводным, хором руководил другой, известный в Смеле, музыкант и, можно сказать, мой учитель музыки. Звали его Григорий Миценко. Я посещал оба хора, однако нерегулярно.

Первый хор «попал в историю» тем, что однажды на смотре хоровых коллективов в Одессе он занял какое-то почетное место, после чего его вроде даже направляли еще и в Кишинеv. Подробности рассказать не могу, так как я в тех поездках не участвовал⁵²⁴.

Мне больше запомнился сводный хор. Он был в четвере голоса – включал две партии мальчиков и две девочек. В разное время я в нём побывал в двух ипостасях – и в роли рядового певца и как аккомпаниатор.

Занимаясь в хоре, я понял, что певческие способности можно... тренировать и совершенствовать. Если говорить о музыкальном слухе, то он у меня был, и весьма приличный, а вот с вокальными данными было туговато. Фальшь я обычно слышал сразу, но правильно пропеть какую-то вещь получалось не всегда. Неудивительно: в пении я никогда прежде не практиковался. Однако, позанимавшись в хоре, я вскоре уже прилично голосил свою партию. Я явственно почувствовал, как развиваются связи, как звонче, чище и приятнее звучал мой голос, насколько легче стало им управлять...

Школа осталась в прошлом, однако приобретенный в хоре опыт не забывался. Полученные там навыки, случалось иногда, как нельзя кстати пригождались.

Вторая половина 1980-х годов, гощу на свадьбе у родственников в Западной Украине. Веселое застолье, певучая компания. Бойкий тамада-гармонист, лавируя меж столами, которыми уставлена была вся хата, зажигал народ задорными песнями и прибаутками, приглашая всех в общую капеллу. Атмосфера была такая заразительная, что даже я не удержался от подпевок. При этом я так разошелся, стал выводить такие коленца, что удостоился неожиданных похвал: «Треба ж, вуйко аж з Москви, а як гарно співає!»

Да, уроки школьного хора были не зряшными.

Видным явлением в школе были **кружки драматический и литературный**.

В драмкружке мы учились искусству декламации⁵²⁵, готовили небольшие театрализованные постановки. Из них запомнились, в частности, представления по повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и пьесе И.П. Котляревского «Наталка Полтавка».

Для героев постановок из учеников непременно выбиралась красивая пара. Репетировали – читая тексты в лицах – в основном прямо на уроках. Выступления делались по возможностям костюмированными и пользовались «у публики» заслуженным успехом. Я был непременным участником тех представлений – отвечал за музыкальное сопровождение действия.

Драмкружок в жизни наших ребят оставил, безусловно, только добрый след...

Что касается литературного кружка, то он служил в качестве подспорья в изучении основного курса литературы. Здесь мы расширяли свои литературные горизонты.

Как-то раз я получил задание подготовить реферат по статье, опубликованной в свежем номере солидного литературного журнала. Он продавался в киоске около Южного вокзала. Тот журнал я купил, а вдобавок еще и другой – с похожим материалом. Сравнив статьи двух авторов, я вдруг обнаружил в них совершенно... одинаковые фрагменты! Из целых больших – чуть ли не в полстраницы – абзацев! Никаких ссылок на заимствование не было, налицо был откровеннейший плагиат! Я был шокирован своим открытием...

⁵²³ Попель Николай Владимирович (1912–1990), захоронен в Гречковке. Я о нём уже писал (Книга II, стр. 211–212).

⁵²⁴ Эти выступления хорошо помнила Жанна Юрченко (Олейник).

⁵²⁵ Тут особенно выделялась Жанна Юрченко (Олейник).

Литкружок всегда был многолюдным: ученики старались выказать свое прилежание и выслужить лучшую оценку по литературе и языку. А однажды его «заседание» переросло в массовое школьное собрание. Обсуждалась повесть одного из наших молодых (послевоенного выпуска) учителей, напечатанная в киевском журнале. Для всех нас – событие!

Повесть была на избитую в те годы производственно-колхозную тему. Обсуждение ее мне показалось скучным, и я счел возможным с этого мероприятия сбежать...

82. Литературные «чтения». Выступает Александра Решетняк⁵²⁶. 1953 г. Фото из моего архива

Пора, однако, подробнее рассказать о педагогическом коллективе школы⁵²⁷.

Директор школы.

Заремба Казимир Аполлонович (1917–2002). Директор школы (1948–1961).

Окончил Черкасский педагогический институт (1939). По образованию математик.

Жил вместе с семьей в самой школе.

В последнее время в Смеле его сделали чуть ли не иконой педагогики. Он и «великий педагог Украины», и «мудрый творец», «мудрый учитель и наставник», «учитель от Бога», «педагог Божьей милостью». Зарембу ставят в один ряд со знаменитым Сухомлинским, призывают изучать его педагогическое наследие...

До чего же смеляне охочи складывать легенды!

Будем разбираться.

Говорят, он был «чудесным математиком».

⁵²⁶ Среди слушательниц в первом ряду сидят: Жанна Юрченко (3-я слева), Нина (5-я слева), Е. Почка (6-я слева). Во втором ряду опознаются: Валентина Сук, Лариса Яшник, Лиля Погрибная. В дальних рядах опознаются также: Л. Квотченко, Лариса Пастух, Борис Диденко, С. Фесак, Иван Каптенко, Анатолий Романюк, Владимир Копыл.

⁵²⁷ 1948–53 годы.

Наберусь смелости усомниться в этом. Кто сейчас может оценить его как математика? Кто слушал его уроки? Учителем математики он работал в разных школах лишь до войны да еще в эвакуации – и то только урывками. После войны преподаванием, насколько я знаю, он не занимался. По крайней мере, я, проучившийся в школе с 1944-го по 1953 год, не слышал, чтобы он кого-то у нас учил математике.

Показателен и следующий факт.

В свое время Татьяна Александровна Жох, заведующая школьным музеем им. К.А. Зарембы, поделилась со мною любопытной информацией. Касалась она одной малоизвестной страницы биографии нашего директора. Раньше почитатели Казимира Аполлоновича говорить о ней открыто не решались, о ней и сейчас мало кто знает. Но шила в мешке не утаить. Так вот: оказывается, в институтском дипломе Зарембы по математике «красуется» оценка... **«посредственно»!**

Вот вам и «чудесный математик»!

Теперь – о педагогическом «даре» Зарембы.

Послевоенную свою карьеру он делал уже не как педагог, а как руководитель, как функционер на разных должностях в сфере образования. Вот ее ступеньки с 1944 года: завуч, директор разных школ на станции и в Смеле; первый заместитель заведующего и собственно заведующий Черкасским областным отделом народного образования; методист областного института последипломного образования педагогических работников... Как я ни пытался выяснить по известным источникам, в чем же конкретно заключается великое **педагогическое наследие** Зарембы, которое рекомендуют изучать его воспеватели, – ничего, кроме общих слов и банальных истин⁵²⁸, я не нашел.

До переезда школы в большое здание на ул. Лобачевского, я директора не знал. Впервые я увидел его в 1948 году и в довольно-таки странной ситуации. Некий молодой, высокий, худой, с красным от злости лицом, дядька бежал за улупетывающим от него хлопцем. Это и был наш директор. Он гонялся за пацаном по всей школьной площадке да с таким остервенением, что, казалось, догнав его, мог сорвать тому голову. И это – на виду у всей школы! Ничего себе педагогический прием! Чем провинился тот школьник, спросите вы? Он будто бы сказал что-то нелестное в адрес директора, а когда последний, вспыхнув, хотел его наказать, дерзко ответил: «Все одно ви мені нічого не зробіте, у мене батько начальник міліції!»⁵²⁹ Тут-то и выиграла в голове Казимира Аполлоновича горячая польская кровь⁵³⁰. С этого и началась погоня...

О жестких методах наведения порядка, которые применял в школе Заремба, вспоминают многие...

Должен признаться: дара «мудрого учителя и наставника» в Зарембе я лично не чувствовал никогда. Я вообще не помню, чтобы он со мною когда-нибудь разговаривал! А ведь я был одним из лучших (если не лучшим) учеником школы! Откуда такое равнодушие, безучастность, черствость? Может он, как проницательный человек, понимал, что я уже был достаточно самостоятельным учеником, в его советах не нуждался и не склонен был угодничать перед старшими? Не знаю...

Последний раз я его видел спустя семь лет после окончания школы – в 1960 году. Заехав тогда на родину, я совершенно случайно встретил Зарембу на станции (он продолжал еще директорствовать). Я, помню, приостановился, раскланялся с ним, поздоровался... Хотелось похвалиться своими успехами. Всё-таки к тому времени я отлично окончил знаменитый столичный институт, трудился на «секретной фирме» – можно сказать, уже вышел в

⁵²⁸ «Истины» вроде того, что *«хочешь учить других – постоянно учишь сам»*, что надо уметь правильно подбирать кадры, что *«педагогическое наследие К.А. Зарембы – это не только золотые зерна мудрости, доброты и заботы о воспитании подрастающего поколения, заложенные в души многих людей...»* и т.д. А еще в заслугу Зарембы ставится то, что он якобы первый стал организовывать... олимпиады по математике. Смешно!

⁵²⁹ Версия Скрынника.

⁵³⁰ Заремба был, по крайней мере, по линии матери, поляком.

люди. Заремба, сухо ответив на приветствие, сделал вид, будто меня не признает. Пове- рить в такое я не мог. Ему бы, его школе гордиться своим успешным выпускником, а он, видите ли, его просто игнорирует! Вот вам и педагог! Короче говоря, в любимчиках я у него не ходил...

Неоднозначное отношение у директора было и к Виктору Олейнику – другому отлични- ку нашего выпуска. По словам Виктора, Заремба несколько раз давал ему задачки для ре- шения – дополнительные к тем, которые задавались штатным учителем. Зачем? Смысл такой «помощи» был бы, если бы она была систематической, целенаправленной... Подо- зреваю, директор мог быть «милостив» к Виктору потому, что семья Зарембы постоянно отоваривалась у его матери. Вера Алексеевна заведовала продуктовым магазином, а с та- кими людьми всегда было выгодно «дружить». Она и дефицит придержит для «своих», и отпустит продукты без очереди или с черного входа... Вот Заремба и оказывал дополни- тельное внимание Виктору, чтобы заслужить благорасположение матери.

Истинную свою суть директор показал, когда Олейник писал сочинение во время вы- пускного экзамена по литературе. Ни одна из предложенных тем, вспоминает Виктор, ему не понравилась, и он решил писать сочинение на свободную тему. От волнения он елозил за партой и никак не мог сосредоточиться. Следивший в сторонке за ходом экзамена За- ремба вдруг встал и подошел к Виктору. «А ну, встань!» – громко приказал директор. И стал шарить – в парте, под партой... Искал шпаргалки? Но в наше время редко кто риско- вал ими пользоваться. Тем более отличники, тем более на выпускном экзамене. Если тебя поймут с ними, позора не оберешься... Обыск закончился, грозный Заремба вернулся на свое место, а ошарашенный Олейник, весь в холодном поту, еще долго не мог успокоить- ся. «Я тогда так и не понял, да и сейчас не понимаю, для чего наш Казимир Аполлонович устроил мне тот шмон», – признавался мой товарищ...

Последние штрихи к портрету Зарембы.

Казимир Аполлонович, в сущности своей холодный, жесткий, не лишенный высокоме- рия руководитель, был всё же человеком, и ничто человеческое ему не было чуждо.

Жанна Олейник уверяла, что он «приударивал» за десятиклассницей Инной Косохатко. Красавица Инна была лет на 5–6 старше нас. О явном равнодушии директора к ученице и его нескромных притязаниях на ответное чувство рассказывал Жанне ее двоюродный брат, который учился вместе Инной. Да и сама Жанна однажды случайно застучала «па- рочку» в свободном классе, после чего директор выскочил оттуда как ошпаренный...

Эта история прошла как-то мимо меня; я о ней, может быть, знал, но позабыл. Однако после рассказов Жанны в памяти вдруг всплыли ссоры и даже скандалы, которые случа- лись в семье Зарембы. Дверь квартиры директора выходила прямо в школьный коридор, и вся школа, все мы становились тогда невольными свидетелями очередной перепалки у За- рембы. Сейчас мне кажется, что причиной некоторых из этих конфликтов было как раз неприличное увлечение горячего Казимира, мужчины в самом расцвете сил⁵³¹. Ревнивая жена его Олимпиада простить ему такое поведение не могла...

«Прозрачность» квартиры Зарембы позволяла нам быть в курсе всех его семейных дел и бытовых проблем. Мы, в частности, знали, что Казимир Аполлонович страдал хрони- сеской болезнью желудка. Кажется, его дважды по этому поводу оперировали. В те дни, помню, в отсутствие неугомонного Казимира, в школе становилось как-то тише и спокой- нее...

Так за что же такого человека возвели в кумиры, за что называют его «вторым Сухом- линским»? Ответ прост.

В бытность Зарембы заведующим областным отделом народного образования его «сла- вили», потому что он располагал большими кадровыми возможностями. В таком разе по- чему бы не поугодничать в надежде на получение должностной льготы?

⁵³¹ Ему в ту пору было немногим больше тридцати!

Славословие же Зарембы после его смерти тоже объяснимо. Как же не похвастаться своим земляком? Те, кто имел какое-то отношение к Зарембе, прислоняясь к его имени, как бы говорят: мы тоже не лыком шиты. Короче говоря, каждый кулик свое место хвалит...

Заместитель директора по учебной части.

Севастюк Леся Никифоровна. В нашем классе не преподавала. Имела двух красивых дочерей. Старшая, Лана, была старше меня на класс. Окончила школу с золотой медалью, затем училась в МГУ на геологическом факультете. Младшую звали Тамиллой.

Преподаватель русского языка и литературы.

Прусс Евгения Алексеевна. Представительница старой педагогической школы. Пожилая холодная дама с короткими, гладко причесанными, седенькими волосами. Я никогда не видел ее улыбающейся. Была весьма строгим педагогом, мы все ее побаивались. Особенно требовательной и даже придиричливой она была по отношению к нерадивым ученикам и тем, кто нарушал заведенный ею порядок. Аню Коляду, к примеру, она просто третировала. Анька, классная наша красавица, ничего не могла сделать со своей естественной всегдашней улыбкой. Есть такие люди. Им бы в какой-то сложной ситуации пустить слезу, а они... улыбаются. Так было и с Анютой. Прусс ее ругает, а она только улыбается. Короче говоря, доставалось Анюте от Прусс не столько за недостаточную успеваемость, но, главное, за веселый нрав и легкомысленную улыбку...

Властная, обязательная Евгения Алексеевна учила нас мастерски, ответственно и научила многому⁵³². Тем не менее настоящую любовь к слову, высокой литературе, по крайней мере во мне, она не разожгла.

Я остро осознал это лишь после школы. Я был уже студентом, когда мне посчастливилось слушать кого-то из великих актеров того времени. Он читал в концерте «великого пролетарского поэта» Маяковского, которого мы «проходили» в школе и к которому я продолжал оставаться совершенно равнодушным. Актер (жаль, не запомнил его имени!) прочел пару знакомых мне вещей. Я сразу же прозрел, я был потрясен и сидел не шелохнувшись. Вот это поэт, вот это настоящая поэзия, вот это исполнение! Почему же в школе мы не почувствовали всей этой красоты? Почему мы не слышали в школьные годы имен Блока, Есенина? Почему мы зубрили стихи, песни чуждых нам Джамбула Джабаева⁵³³, Сулеймана Стальского⁵³⁴? Потому что они прославляли Великий Октябрь, Сталинскую Конституцию, «величайшего вождя пролетарской революции» товарища Сталина и его соратников (Орджоникидзе, Ворошилова, Кирова и, как сейчас мы знаем, даже «батыра»⁵³⁵ Ежова)? Скорее всего, так. Но кто сейчас помнит имена этих поэтов-акынов⁵³⁶?

Преподаватели украинского языка и литературы.

Эти предметы вели:

Киппа Виктор Орифеевич (5–6 классы)⁵³⁷; после него – **Городиский Анатолий Петрович** (имел прозвище «макуха»); **Пиддубный Семен Васильевич** (из-за своего большого роста носил прозвище «гілляка»⁵³⁸); **Кийко Екатерина Андреевна** (украинская литература, 9–10 классы).

Все – отменные преподаватели.

⁵³² Кстати будет сказано, именно Прусс была руководителем упомянутых выше драматического и литературного кружков.

⁵³³ Казахский советский поэт.

⁵³⁴ Лезгинский поэт.

⁵³⁵ Батыр – почетный титул у монгольских и тюркских народов за военные заслуги.

⁵³⁶ Поэт-импровизатор и певец у тюркоязычных народов.

⁵³⁷ Он пробыл у нас недолго, так как, повздорив с директором, вынужден был вскоре школу покинуть.

⁵³⁸ По-русски означает «большая ветка», «большая палка», «длинная жердь».

Преподаватели отдельных предметов естествознания.

Постригань Андрей Романович (ботаника, зоология?); **Могилей Арсен Тимофеевич** (ботаника).

Преподаватели математики.

Лисняк Семен Петрович (1906–1977). Преподавал алгебру.

Помню его противные контрольные «пятиминутки» в конце урока. Перед самым звонком на перерыв он, чаще всего неожиданно, диктовал по рядам пару-тройку вопросов. Мы уже ерзали на скамейках в нетерпении выбежать в коридор, а тут надо было вдруг сосредоточиться и письменно изложить ответы. Тетради отбирались, и на следующем уроке мы получали свои, выведенные красными чернилами, свои, не всегда приятные, баллы.

О моих математических способностях он был невысокого мнения. Строго говоря, он был в какой-то степени прав, но меня обижало, что об этом он заявлял слишком откровенно. Педагогического такта ему доставало.

Ячменников Андрей Дмитриевич. Преподавал геометрию и тригонометрию.

В отличие от Лисняка мои способности отмечал и ко мне относился уважительно⁵³⁹.

Мушинский Анатолий Иосифович. Один из старейших преподавателей школы. Преподавал математику в 10 «А» классе, но, случалось, подменяя коллегу, появлялся и у нас. Математиком он был на станции неординарным – его знал даже мой отец. Достаточно было первого урока, который он провел в нашем классе, чтобы запомнил его и я. Он тогда приоткрыл для нас некоторые «тайны» математики. Что такое, к примеру, счет? Оказывается, конца ему нет. Самое большое число, говорите, миллиард? Но дальше идет триллион, за ним – квадриллион, квинтиллион... Более того, есть числа меньше нуля... И им тоже нет конца!

Да, такой педагог способен был увлечь своей математикой кого угодно.

Преподаватель истории.

Мищенко Анна Трофимовна (1914–1998)⁵⁴⁰, классная руководительница (5–10 классы).

Преподавала все школьные исторические предметы: «Историю Древнего мира», «Историю средних веков», «Новейшую историю», «Историю СССР»...

Как учительница с неба звезд не хватала – учила «как положено».

Рассказывая очередную тему, она почти слово в слово повторяла учебник. Ни одной собственной мысли, ни одного вольного отступления от текста или толкования. Никаких попыток увлечь, пробудить интерес школяра. Поощрялось и воспитывалось слепое подражание незыблемым канонам. Мы штудировали параграфы, готовили уроки, отвечали, нередко письменно, дословно излагая несколько страниц текста, и получали свои баллы. Такая система рождала отвращение к предмету.

Я обычно получал высокую отметку, ибо был послушным и прилежным. А каков результат?

Страны, народы, эпохи, рождение и гибель цивилизаций и государств, походы, революции, сражения – всё воспринималось отвлеченно, бессвязно, беспорядочно. Чтобы в этой путанице мог сложиться правильный взгляд на вещи, не могло быть и речи. Египет, Древний Рим, Греция; крестовые походы, Наполеон, Октябрьская революция; на худой конец, великие события недавнего времени, вроде Сталинградской битвы или штурм Берлина – вот это считалось историей. То есть, историей в наших глазах было то, что происходило когда-то в прошлом и где-то там, вдали от привычных для тебя, родных мест. И, наверное, лишь в зрелом возрасте я стал понимать: история – понятие куда шире.

⁵³⁹ В 1974 году, после того как я стал широко известен в стране своими «похождениями» на необитаемом острове, сын Ячменникова А.Д. специально приезжал ко мне в Москву, чтобы познакомиться. К этому времени самого Андрея Дмитриевича, как мне кажется, в живых уже не было: он утонул на рыбалке.

⁵⁴⁰ Супруга вышеупомянутого Лисняка С.П. Захоронена на кладбище в Гречковке.

Странно, что со временем, уже сделав себе имя в космической технике, я стал каким-никаким историком, и в новой области интересов сказал свое веское слово. И всё это, можно сказать, вопреки «школьной науке».

Я вовсе не виню нашу добрую, порядочную, уважительную ко всем ученикам Анну Трофимовну. Для нас она была, словно насадка для цыплят – выращивала, хлопотала, помогала, тянула... Жаль, что я не смог, не успел в свое время высказать ей искренние слова благодарности – не за знания, полученные от нее по истории, нет, а главным образом за ее труды, положенные на наше воспитание и наставничество. В конечном счете, в жизни они оказались намного полезнее, нежели ее преподавание истории.

Что же касается ее стиля преподавания, то сейчас-то я хорошо понимаю: в советское время иное было невозможно. Какие-либо отклонения в изложении материала не допускались, всё строго подчинялось государственной идеологии, теории марксизма-ленинизма. Ее изучение насаждалось всюду – особенно в образовательных заведениях, научных коллективах и т.п. Далеко не все знают, что так называемые «философские», «политические» семинары, кружки существовали даже в наших послевоенных школах.

Однажды в конце урока Анна Трофимовна зашпешила: «Я сьогодні не можу з вами затримуватися, у мене теж сьогодні заняття...» «Які такі заняття можуть бути у вчителів?» – удивились мы. «Можуть, можуть... Ми сьогодні на семінарі розбираємо роботу Леніна „Матеріалізм та емпіріокритицизм“» Тут мы еще более открыли рты. «А що це воно таке?» – поинтересовался, помню, уже я, отличник Коваленко. И бедная Анна Трофимовна, которая, уверен, и сама толком не представляла, что это такое, должна была «разъяснить» нам, недоучкам, суть **главной работы В.И. Ленина по философии** и что значит заковыристое слово «**эмпириокритицизм**»... Такая вот была история...

Преподаватели географии.

Киналь Анатолий Демьянович⁵⁴¹.

Плахотник Лариса Евсеевна, (8–10 классы). Отлично подготовленная молодая учительница, пользовалась заслуженным уважением учеников. Кажется, именно она, расставаясь с нами перед выпуском, разглядела мое научное будущее. «А вот Коваленко, вижу в аспирантуре» – предрекала она.

Преподаватель физики.

Спивак Сергей Павлович. Кроме физики, преподавал также астрономию.

Можно сказать, образцовый учитель и педагог. Высококвалифицированный, многоопытный специалист. Материал всегда объяснял доходчиво, наглядно; добивался от нас не механического запоминания, а постижения сути вещей путем логических размышлений и доказательств. По его предметам мы получали прочные знания. Как человек, – спокойный, уравновешенный, доброжелательный. Он никогда не повышал на учеников голоса.

Вел серьезную внеклассную работу. Руководил работой физического кружка, организовывал «олимпиады юных физиков», придумал «световую газету», радиофицировал школу и устроил в ней настоящий... радиоузел! Отсюда, из «студии», передавались последние школьные новости. Дикторами, разумеется, были отличники и любимчики Сергея Павловича. Спросите кто? Конечно же, я – Анатолий Коваленко, и мой сотоварищ Виктор Олейник...

В 6 классе я познакомился с пришедшим к нам его сыном Олегом, подружился с ним и стал вхож в семью Спиваков. А Олежка в свою очередь нередко навещался ко мне в Малую Яблоновку. Сергей Павлович сына, который учился в одном со мною классе, ничем не выделял и относился к нему равно так же, как и ко всем остальным ученикам. Никому даже в голову не приходило заподозрить учителя в родственном сочувствии к чаду и каких-то ему побряжках...

⁵⁴¹ Имя и отчество привожу по словам Скрынника.

В школьную пору я никак не думал, что наши судьбы – моя и Сергея Павловича – незримо, косвенно соприкоснутся много позже еще и в Москве!

Поясняю. После выхода на пенсию Сергей Павлович, оставив Смелу, переехал на постоянное жительство в Москву⁵⁴². Здесь доживал последние дни, здесь помер и здесь же, в Москве, и захоронен. Не измени я в 1977 году свое прежнее место проживания на Ленинском проспекте, мы могли бы, глядишь, случайно и повстречаться. Ведь мы были тогда почти соседями – нас разделяли, как потом выяснилось, каких-то несколько сот метров!

Преподаватель химии.

Могилей Арсен Тимофеевич (прозвище «галоген»). Представитель старого поколения педагогов.

Кроме химии некоторое время вел также уроки ботаники и преподавал черчение.

«Ботаника Могилея» запомнилась мне исключительно благодаря одной его затее: мы от него получили как-то задание собрать гербарий из листьев деревьев. Вещь, понятно, полезная, однако задание это вызвало у нас лишь глухое недовольство: оно показалось муторным, пустым и несерьезным. Действительно, флора в наших окрестностях бедная, число видов деревьев можно посчитать на пальцах рук. Из чего составлять гербарий? Оставалось задание учителя игнорировать. И в этом резон был. Надеялись, что Арсен Тимофеевич либо простит нас, либо забудет о задании. Ведь наш учитель страдал явно выраженной рассеянностью. Из-за этого мы вечно над ним подсмеивались.

Случалось, он появлялся в классе с расстегнутой ширинкой – мы понимающе улыбались, шушукались; а ему и невдомек. К концу урока весь испачкивался мелом, и этого тоже не видел. А что творилось на уроках черчения? Его, сидевшего за столом с разложенными чертежами, всегда обступала толпа учеников. Он так увлеклся проверкой заданий, что не замечал, что делается на задних партах. А там бузили кто как мог, при этом некоторые смельчаки могли даже незаметно выходить из класса, чтобы «проветриться»...

Спрóсите, чем закончилась история с гербарием? Честно говоря, не помню. Скорее всего, вышло по-нашему: поручение Арсена Тимофеевича мы оставили без внимания. Во всяком случае, ни у кого из моих одноклассников каких-либо гербариев я не видел.

При всех своих странностях наш «галоген» науку свою знал отлично, химическое «хозяйство» держал в исправности и всячески старался, чтобы мы могли лучшим образом усвоить премудрости его химии.

Арсену Тимофеевичу не всегда удавалось уложиться в учебный план. Тогда он давал дополнительные уроки, проводил дополнительные семинары, практические занятия, опросы... Делалось всё, чтобы подтянуть у отстающих оценки за четверть или полугодие. Особенно старался учитель в выпускном году. Свои уроки называл не иначе как «лекции»; «читал» их быстрее, чем прежде, и требовал записывать конспектом. Короче говоря, приучал нас к жизни в высшей школе.

Серьезно готовились к выпускному и в семьях, в том числе и в нашей. Для выхода во взрослую жизнь мама сшила мне шикарный, из добротной шерстяной материи, костюм. Костюмную пару составляли: модная, спортивного покроя, куртка (с подкладными ватными плечами, на молнии-застежке и двумя прорезными, опять же на молниях, грудными карманами) и такие же модные, широченные брюки-клёш. Я был чрезвычайно рад обновке.

Впервые я щегольнул в ней в школе как раз на одном из дополнительных занятий Могилея. И так вышло, что обернулось оно для меня досаднейшей неприятностью.

В тот раз мы упражнялись в производстве химических опытов. Занятие проводилось с размахом. В школьном коридоре была развернута целая лаборатория. У каждого ученика – свое рабочее место. На сдвинутых в длинный ряд столах – колбы, пробирки, скляночки, сосуды с реактивами – Могилей выставил всё свое «богатство». Прослушана краткая

⁵⁴² В Москве издавна (по крайней мере, с 1953 года) проживал кто-то из близких родственников семьи Спиваков, а в год переезда сюда Сергея Павловича тут проживала уже и младшая его дочь Тамара.

«лекция» по теоретической стороне темы, оглашен порядок выполнения опытов, выслушаны наставления по «технике безопасности» при обращении с едкими реактивами...

До сих пор не пойму, как при всей моей аккуратности и осторожности несколько капель предательской соляной кислоты всё же попали... на новые брюки. Спустя какую-то минуту на брюках образовались дырочки. Надо же такому случиться! Моему огорчению не было предела...

Я успокоился, лишь когда трагедия открылась дома и мама сумела так ювелирно заштопать на брюках «раны», что они стали совсем незаметными⁵⁴³.

И последнее о нашем экстравагантном «галогене». Как во время учебы в школе, так и после я поддерживал приятельские отношения с его сыном Виталием.

Преподаватель французского языка.

Коровина Лидия Ивановна.

Французский язык преподавала нам бесценно на протяжении всего срока изучения предмета.

Представитель старой педагогической школы. Поговаривали, что она окончила Смольный институт благородных девиц, чему я сейчас, по трезвому размышлению, не верю. Полагаю, что училась она, скорее всего, в дореволюционной гимназии, из которой выходили высоко воспитанные, интеллигентные барышни.

В наше время она была одинокой старушкой. Была ли она когда-то замужем, имела ли потомство, мы не знали. О ее прошлой жизни никто не говорил, да и мы этим не интересовались.

Лидия Ивановна любила своих учеников, любила свой предмет и эту любовь свою к французскому языку прививала нам. Если большинство предметов мы осваивали по необходимости, с холодным чувством обязанности и с некоторым усилием, то французский принимали, играючись, увлеченно, легко и с удовольствием... Вспоминаю, как ставила она нам произношение, как учила нас классическому прононсу и грассированию... Мы обожали нашу тихую, добрую, скромную, тактичную Лидию Ивановну, как внуки обожают свою бабулю...

Наука Лидии Ивановны оставила у нас самые приятные воспоминания...

После школы с французским языком я никогда больше плотно не сталкивался, однако какие-то кирпичики этого языка где-то в глубинах мозга и симпатия к нему продолжали сохраняться.

В 1957 году во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, вращаясь среди зарубежных гостей, я легко улавливал и понимал французскую речь, мог даже кой-как (сomme si comme ça) поддерживать разговор...

Уже в зрелом и даже преклонном возрасте я, случалось, не раз ловил себя на мысли, что даже во сне могу продемонстрировать свой сносный французский. Переговариваюсь с кем-то на давно забытом, застывшем языке, обмениваюсь репликами, а проснувшись, тут же фиксирую: «Надо же, ведь как правильно, грамотно по-французски вышло. Даже наяву так не всегда получилось бы»⁵⁴⁴...

Преподаватель черчения.

Крицкий Н.Е. (Николай Евгеньевич?), из молодых, послевоенного выпуска, специалистов.

Преподаватели психологии, логики.

Психологию мы проходили в 9 классе. Вела ее молодая учительница Гончар⁵⁴⁵ (имя и отчество остались неизвестными). Кто читал основы логики, сейчас уже никто не скажет.

⁵⁴³ Эти брюки, между прочим, еще много лет потом исправно служили мне в институте.

⁵⁴⁴ В параллельном классе французский язык преподавала сестра нашей Лидии Ивановны – Коровина Анна Ивановна. Сестры-старушки были во многом похожи друг на друга.

⁵⁴⁵ Свидетельство Скрынника.

Преподаватель начальной военной подготовки.

Росляков С.И. Участник Великой Отечественной войны, имел боевые награды. Инвалид (помню его хромоту).

Чем конкретно занимались у него на уроках, позабылось, но один «урок» запомнился крепко – мы играли «в войну». Целью игры, по-видимому, была разборка элементов боя.

К учению готовились основательно. Класс был разделен на две группы «войск»: на «наших» и «немцев». Рослые, физически развитые, мальчики должны были играть роль «наших». Ребята, кто мельче и слабее, а также девочки, причислены были к стороне неприятеля. «Командование» (в лице военрука Рослякова) не забыло и о вооружении сторон. Нам приказано было изыскать оружие самим. Кто-то выстрогал из дощечки подобие винтовки или автомата, другой запасся подходящей палкой... Это называлось стрелковым оружием...

Учение проходило зимою, в районе уже знакомого нам болота на выезде из станции по Одесской линии⁵⁴⁶.

Разобрались с расстановкой сил. «Немцы» занимают оборону на господствующей высоте – на верху высокой, круто спускающейся к болоту, железнодорожной насыпи. «Наши» сосредотачиваются на противоположном берегу болота. Задача «нашим»: прямой атакой через болото захватить врага.

Не нравилось мне всё это, не нравилась «тактика» Рослякова. Да, на болоте намерз достаточно толстый лед, преодолеть его можно... Но зачем же так атаковать – в лоб? Неприятель же будет видеть наступающих как на ладони, перестреляет всех! Мы (я выступал за «наших») не успеем добежать даже до насыпи... Почему не применить обходной маневр? Местность же позволяла...

Однако приказ есть приказ. В атаку! Добираемся до насыпи (все живые!)... Ура! Штурмуем... Эх! Дело оказывается крепким орешком... Склон обледенелый, скользкий... Вскарabкиваемся к верху, к «немцам», а те играючи сталкивают нас, беспомощных, обратно. Не надо применять даже никакого оружия... Где же была раньше наша разведка? Что, нельзя было это предусмотреть?

Наступавшие в конце концов «врага» победили (как и положено в подобных военных учениях!), но смеху было много...

Наш военрук проявил себя в школе еще на одном поприще. Он всегда готовил оформление школьной колонны и командовал ею во время праздничных демонстраций. Они проводились дважды в году: 1 мая и в годовщину Октябрьской революции. В них в то время принимало участие большинство городских предприятий, организаций, учреждений, заведений. Нечего и говорить, что школы не были исключением. Каждый коллектив, проходя в Смеле перед трибуной, старался блеснуть чем-то особенным.

Коньком оформления колонны школы № 22 была трехъярусная «живая пирамида». Ее-то и придумал Росляков. Строилась пирамида с помощью двух круглых, сколоченных из досок, щитов. Первый, нижний, ярус составляли несколько «силачей», которые удерживали большой щит. На нём строился второй ярус – из меньшего количества «крепышей»; они держали малый щит. Завершал пирамиду «спортсмен» небольшого росточка; балансируя на верхней площадке с флагом в руках, он принимал, задуманную нашим режиссером-постановщиком Росляковым, красивую позу...

В Смелу мы отправлялись из школьного двора ранним утром. Выходили на улицу Октябрьскую и занимали свое место в уже гудящей общей колонне. Продвигались медленно, с остановками: по пути к шествию присоединялись всё новые и новые группы людей. Вскоре весь маршрут от станции к центру города⁵⁴⁷ заполняла одна сплошная процессия.

⁵⁴⁶ Смотри, в частности, стр. 111–112.

⁵⁴⁷ Обычно мы шли по ул. Октябрьской до ул. Павлова, здесь поворачивали направо и, перейдя мостами железнодорожные пути и попав на ул. Веры Гордиенко, направлялись в сторону главной улицы Смелы – улицы Свердлова. Дальше, уже по ней, следовали до самого центра города.

За какую-то сотню метров от трибуны в командование вступал Росляков. Мы приостанавливались в последний раз. Получали свои «фирменные» щиты для пирамиды и прочий громоздкий инвентарь для украшения колонны (это всё подвозилось на отдельном транспорте); сооружали свою фигуру и затем, быстренько, проходили перед трибуной с городскими властями. В районе перекрестка с ул. Победы наши волнения и миссия заканчивалась. Сдав инвентарь, мы отпускались на все четыре стороны. Домой добирались уже ближе к вечеру – порядком уставшие, проголодавшиеся, но... счастливые. Долг выполнен.

Преподаватели физкультуры.

Сначала физкультуру вел **Товстолиц Николай Федорович**⁵⁴⁸, за ним – некто «молодой **Орест Николаевич**»⁵⁴⁹ и наконец – **Поляренко Петр Васильевич**...

Заканчивая разговор о педагогическом коллективе железнодорожной школы № 22, можно сказать: в пору моего школьного обучения он представлял собою замечательное собрание. В нём оптимальным образом сочетались опытные, квалифицированные преподаватели-наставники старой педагогической школы и молодые, отлично образованные, специалисты последних выпусков педагогических вузов. Молодежь заметно отличалась от своих зашоренных старших коллег и могла позволять себе определенные вольности в преподавании. Молодые учителя были явно талантливее, эрудированнее нашей «старая гвардия». О, они печатались в журналах, могли объяснить любую вещь, ответить на любой вопрос!..

Хорошо помню одного такого. Он появился в школе, когда я учился в 8 классе. В первое время ему, кажется, не доставало постоянной учебной нагрузки, поэтому он приходил иногда к нам (и в другие классы) на замену заболевших штатных учителей. «Будем заниматься по текущей программе или просто о чём-нибудь поговорим?» – первым делом спрашивал он класс. Между прочим, ему неважно было, какой был предмет и о чём рассказывать. Конечно, мы были рады услышать что-нибудь интересенькое, о чём вещало радио или писали газеты⁵⁵⁰, и задавали «вольную тему»... И тут начиналось... Мы мысленно переносились, к примеру, в Соединенные Штаты Америки, и, затаив дыхание, слушали рассказы: об угнетении там негров и тайной расистской террористической организации Ку-клукс-клан; о дурацких соревнованиях и развлечениях (вроде культуризма, кетча или состязаний на дальность плевка!); о допинге, ужасном его вреде для здоровья...

Однажды в какой-то книжке, по которой мы готовили домашнее задание (кажется, в пособии по французскому языку), нам встретилась подстрочная сноска с замысловатым словом «**антрекот**». Кого только из учителей мы не спрашивали, что оно значит (свою «французенку», Лидию Ивановну, разумеется, беспокоить не стали, дабы не показаться в ее глазах совсем невеждами). Что такое «антрекот», не знал никто! В конце концов ребус раскрыл лишь наш симпатичный молодой эрудит! Растолковал, что это – блюдо французской кухни из междуреберного куска говядины, а название его образовано от французских слов *entre* – *между* и *côte* – *ребро*.

А когда мы случайно узнали, что он подрабатывает еще и в чертежном бюро завода, то авторитет его вознесся еще выше. Нам казалось, что его совместительство равносильно должности инженера!

Уверенно назвать имя нашего кумира я, по давности лет, не решаюсь, но всё же рискну предположить, что это был **Крицкий Н.Е.**

Да, нас учили в общем-то замечательные педагоги. Именно благодаря этим славным учителям и наставникам я вынес из той, послевоенной, школы солидный багаж базовых знаний и твердые убеждения. Впоследствии, работая на педагогической стезе, я не раз получал возможность сравнивать уровень знаний школьников разных поколений.

⁵⁴⁸ Ветеран физкультурного движения в Смеле (упоминается в книге Василь Страшевич. Шляхами Смілянського футболу. Історико-краєзнавчий нарис. – Сміла. – 2008).

⁵⁴⁹ По сведениям Саши Карамушки.

⁵⁵⁰ Телевидения у нас еще тогда не было!

В этой связи вспоминается случай начала 2000-х годов. Читаю лекцию студентам, объясняю какую-то простую вещь. Вижу, многие не понимают, что и как – переспрашивают, уточняют... «Как же так, ребята? – удивляюсь я. – Вы же только что пришли из школы и не помните элементарного?.. Забыли? А почему же я помню то, что мне преподавали более полувека тому назад? Вот вы, – обращаюсь к сидевшему за первой партой, – вы, вижу, тоже не понимаете сути вопроса. Кстати, как вы учились в школе? Наверное, были не последним учеником, если сумели поступить в наш вуз, ведущий вуз России...» – «У меня, – отвечает, – золотая медаль...» – «Так почему же у вас такие пробелы в знаниях, школа виновата?» – «Да нет, я учился в лучшей школе города!» – «И сколько же таких, как вы, медалистов было в вашем выпуске?» Число, которое я услышал в ответ, меня **огорошило!** Не могу назвать его точно, но хорошо помню, что это было **двузначное число** – не то 13, не то 17... Чтобы снять некоторое, может быть, недоверие у читателя к такой неестественной россыпи «золотых медалистов» скажу: тот мой студент оканчивал школу в одной из Северо-Кавказских республик в «продажные» 90-е годы минувшего столетия. Тогда и не такое случалось...

Да, незабвенная школа № 22, с ее обязательными, программными, уроками, дала мне и большинству моих одноклассников прочное и разностороннее образование. Но были еще другие уроки – уроки независимые от школы, естественные, вольные. Их доставляли окружающий мир и сама жизнь: чистая, почти нетронутая по сегодняшним понятиям, природа; улица; семья... Они оказались не менее важными для моего развития, нежели те, которые преподавались в самой школе. Они питали душу, близкими примерами воспитывали характеры: трудолюбие, терпение, упорство в достижении цели, старательность, самостоятельность, довольствие малым, порядочность. Они возвращали любознательность, изобретательность, полезные в жизни навыки, умения, таланты...

Вот эти мои внешкольные «классы» и занятия.

Речка.

Речка для нашей части Малой Яблоновки являлась едва ли не главной природной достопримечательностью. Даже зимой мы наведывались к ней. Нет, с коньками мы на Тясмин не ходили. Приличных, по современным понятиям, коньков ни у кого тогда на улице не было. Кое у кого, правда, имелись простенькие «снегурочки», однако с ними выходило одно мучение. Они привязывались с помощью веревочек и палочек к валенкам (зимняя обувь у нас была только такая!), надежным крепление не получалось, приходилось постоянно его поправлять – короче говоря, «катание» на них никакого удовольствия не доставляло... Мы находили себе на Тясмине другие интересы...

Дело в том, что речка наша обычно промерзала слабо, лед был тонким. Ходить по нему было опасно – того и гляди, провалишься в воду. Но как же хотелось поглазеть сквозь чистейшее, прозрачное ледяное стекло. Что там теперь – на дне? Иногда глупая бравада, желание испытать свою мальчишескую удачу оказывались сильнее благоразумия. Бежишь на середину, лед под тобою пружинит волною, звонко трещит и покрывается вокруг расходящейся паутиной расколов. Но тебя это не останавливает: риск – благородное дело!

Бегали мы к речке и в конце зимы. Не прозевать бы яркое зрелище! Накануне вскрытия Тясмина военные саперы подрывали лед перед гречковским мостом. Это делалось для того, чтобы избежать ледяных заторов и подтопления поймы в половодье. В войну мы насмотрелись всякого, но и теперешние, мирные, взрывы впечатляли. Одномоментно, громом, ухали десятки мощных зарядов, над рекою выбрасывались высоченные ледяные фонтаны. Мы, наблюдавшие представление издали, долго не расходились: авось еще будет продолжение...

Начинался ледоход, и мы спешили к реке за очередными приключениями. Тясмин с глухим шумом катил воды по всей пойме. Перед Камнем быстрое течение теснило льдины к берегу, можно было запрыгнуть на какую-нибудь и даже прокатиться на ней... Я, со своим рассудительным умишком, понимал, насколько опасно подобное «геройство» и на

«подвиги» не решался. А вот Володька Скрынник, бесшабашная его голова, забирался на льдины не задумываясь; прыгал, перебирался с одной на другую и мог не раз «искупаться» в холодной воде... Однако ему везло, лишь когда однажды его чуть было не унесло на глубокое место, он перепугался и оставил опасную забаву...

В теплое время гола, особенно в летние, каникулярные, месяцы, мы проводили на реке почти весь свой досуг. Тясмин и Камень были для нас целой страной и едва ли не главным источником познания окружающей среды.

Камень прелставлял собою мощный пласт гранита в форме сапога. Расширяющимся «голенищем» он полого выходил на берег. Рядом с «носом» сапога располагался такой же, гранитный, островок. Ни дать ни взять – «Италия» с «Сицилией». К боковым сторонам Камня примыкали тихие мелководные заводы – «моря», омывающие «Италию».

Одна заводь была рассадником и местом обитания мелкой речной живности (головастики и всяких водных насекомых). Тут кружили, сцепившись, спаривающиеся стрекозы; сновали водомерки, отлеживались лягушки... Мы наблюдали весь жизненный цикл земноводных и стрекоз. Это был настоящий практический класс школьных уроков по зоологии. Здесь же, уже на суше, встречался песочек с вкраплением блёсточек чистого золотистого цвета (я как наблюдательный паренек иногда подумывал, а не настоящее это золото?).

Другая заводь служила лягушатником для малышей. В ней (ближе к глубоководной части реки) был участок длиной метров шесть – восемь, где мы учились плавать, и участок (собственно прилегающий к Камню) с большим количеством ила, по-нашему «грязи». Ил чисто черного цвета был редкостный – густой, вязкий, маслянистый. Из этого материала легко выделялись разные штучки. Мы обычно лепили из него особые «снаряды». Делалась полусферическая чашка, что-то вроде известной сейчас пиалы, и – готово! Бросаешь «снаряд» открытой частью на камень и любишься эффектом – бомбочка лопалась, то бишь «взрывалась», с неожиданно громким и резким хлопком!

Использовалась наша «грязь» и по-другому. Резвясь, мы, бывало, обмазывались ею с головы до ног, изображая всяких чертей и прочую темную нечистую силу.

Однажды отличился наш старший дружок Володька Бобрык (Бобрицкий)⁵⁵¹. Он слыл несколько чудаковатым парнем, и имел редкий физический недостаток: одна из рук у него была шестипалая да еще и с мизинцем в половину кулака! В уличных стычках между пацанами тот мизинец играл роль внушительного «оружия».

В тот раз «Кукса», как звался по-уличному Володька, так старательно вымазался «грязью», что блестяли только глаза. Чтобы повеселить народ, этот совершенно голый «негр», размахивая гениталиями уже почти созревшего парубка, выбежал на Первомайскую. Недотепе казалось, что в таком виде его на улице не узнают. Как бы не так! Отовсюду только и несло: «Тю! «Кукса» з глудзу з'їхав!» Вот хохота-то было!

Достояние свое, Камень, мы тщательно блюли и за ним ухаживали. Он всегда содержался в показательной чистоте, его регулярно драили, мыли, а потом, уже искупавшись, на нём загорали. Купались часто до посинения, соревнуясь друг с другом в количестве «процедур». Считали, сколько кто принял «процедур» – пятнадцать, двадцать, а нередко и еще больше. Купанием считался условный акт – окунешься, побултыхаешься минуты две-три; трясешься, выбираешься из воды и плюхаешься на раскаленный гранит...

Руководили порядком на Камне старшие ребята. Они присматривали за малышами, раздавали «наряды» на работы, учили плавать... Строго говоря, держаться на воде, а затем проплывать определенную дистанцию мы научались самостоятельно, перенимая навыки друг у дружки. Но если старшие замечали у кого-то из младших лишнюю боязнь или лень, то использовали радикальный учебный приём – брали «жертву» за руки и ноги, раскачивали и... бросали на глубину. Барахтайся, пока не поймёшь что да как, а если будешь захлебываться, то тебя подберут, но жди нового такого же урока...

⁵⁵¹ Я его уже упоминал ранее.

83. На Тясмине:

- а) место возле Камня в 1950 г.⁵⁵²; фото из моего архива;
 б) примерно то же самое место в середине 1960-х годов⁵⁵³; фото мое.

⁵⁵² На переднем плане Ванюша Ковпак (родственник из Ротмистровка – шурина моего брата Николая); за ним – мама Виктора Олейника; справа – Дунька (Евдокия) Бобрицкая (жена Георгия Бобрицкого – нашего соседа по улице напротив). Рядом со взрослыми – дети Дуньки (при ней старший – Шурко, с Ванюшей младший – Женька).

⁵⁵³ За рекой Гречковка. На обресе фото слева видна верхняя часть нашего Камня (нижняя часть его после заполнения в 1957 году Смелянского водохранилища оказалась под водой).

Что касается меня, то я плавать научился без этой суровой «науки», и получилось это как-то само собой.

Первый стиль плавания, который мы осваивали, было плавание «по-собачьи». Конечно, проплыть в лягушатнике какие-то метры, не касаясь дна, держа голову над водой и не захлебываясь – это еще не означало, что ты умеешь плавать. К разряду плавающих ребят относили тех, у которых хватало силенок доплыть до гречковского берега и затем вернуться обратно. Для новичков такой заплыв становился серьезным психологическим барьером, и преодолевали его далеко не с первой попытки. Страх того, что тебя унесет течение, что не хватит духу вернуться на родной берег, что тебя могут обидеть всегда недружелюбные гречковские парни – всё это задерживало испытание. Бывало, в лягушатнике пацан осиливает дистанцию гораздо длиннее требуемой, а идти на экзамен еще долго не решается...

Я плавать любил и вскоре уже сносно плавал саженками, а еще лучше – на боку. Этот стиль был весьма распространен среди спортсменов до войны, особенно среди людей военных. Я знал, что прежде проводились специальные соревнования по плаванию на боку, фиксировались рекорды, знал имена известных мастеров в этом виде. Но где я его подсмотрел, не помню⁵⁵⁴. Со временем мне, также без всяких подсказок и наставников, удалось освоить и брасс...

На речку уходили на целый день.

О нормальной еде забывали до возвращения домой: подкармливались тем, что иной раз попадалось под руку. Вишни, яблоки, другие фрукты, которые свисали из-за чужих заборов, считались «ничейными» и быстро истреблялись, так и не успев созреть. После этого мы начинали заглядываться на то, что находилось за заборами. Границу частной собственности мы не нарушали – доставали желанные плоды с помощью так называемой «хватки». Делалась она из длинного тростникового стебля. Последнее колено его разрезалось вдоль, половинки раздвигались поперечиной, чтобы получилась лодочка. Ею как раз и захватывались садовые «дары». Воровством такое не считалось, тем не менее, опасаясь взбучки хозяев, мы старались на их глаза не попадаться,

Воду пили из родничков у реки. Вода в них, помню, была чистейшая и вкуснейшая, как из домашнего колодца. Для меня любимым был водопой из двух родничков в конце огорода Скрынника...

У многих ребят день начинался обычно с утренней рыбалки.

Я бы не сказал, что Тясмин был обилен рыбою, но ее было довольно для того, чтобы рыбная ловля была не только развлечением, но и полезным занятием.

Наиболее распространенной рыбой в реке был пескарь (по-нашему бубырь, или пичкур), далее шел пукась⁵⁵⁵ (по-научному горчак), за ними – верховодка (уклейка), окунь, красноперка, линь; попадались также шиповка⁵⁵⁶ (местное название сцикавка), карась, вьюн.

Самой популярной снастью у нас считалась поплавок удочка. У меня, как и у большинства мальчишек, удочки были самодельные.

Удилище подбиралось в посадках у железной дороги. Найдешь прутик лещины или что-то подобное из другого дерева – и уже доволен. Встретить в наших окрестностях подходящий длинный хлыст для удилища было проблемой. На леску брались волосы конского хвоста. Отдельные волосины связывались, а чтобы получающиеся при этом узелки «изделие» не портили, хвостики в них аккуратно обрезались. Поплавок вырезался из коры старых верб: они росли на нашем берегу до самого выгона. С «леской» он соединялся с по-

⁵⁵⁴ Наверное, в каком-то из киножурналов, которые в послевоенное время в обязательном порядке предвзяли демонстрацию основного фильма.

⁵⁵⁵ Эта мелкая, длиной в 3-4 сантиметра, рыбешка употреблялась и для жарки (ели с жареной картошечкой), и для борща. Во время приготовления в пищу из нее выдавливали кишки, при этом издавались «пукающие» звуки. Отсюда и название «пукась».

⁵⁵⁶ На голове у рта имела два довольно острых шипа.

мощью колечка из крупного гусяного пера⁵⁵⁷. Сделать грузило тоже было несложно. Сви-нец после войны был материалом весьма распространенным: он держался (для разных надобностей) в заглазнике почти у каждого малолетнего умельца. Лишь крючки наших домодельных удочек были покупными – из магазина. Но должен сказать: если бы потребовалось, мы и эту мелочь могли бы «смастерить» из какой-нибудь проволоки... Особенности сборки удочки, варианты присоединения крючка к «леске» и прочие «хитрости» устройства простейшей самодельной снасти мы перенимали друг у друга...

Рыбачили мы преимущественно в первой половине дня, но собирались на свой «промысел» еще накануне, с вечера. Главное – загодя накопать наживки. Лучшей наживкой у нас считался навозный червь. Я его легко добывал за сараем у навозной кучи. Остальное – удочка, низка для улова, перочинный ножик – было всегда на месте...

Просыпался засветло.

Всем известно, как трудно детей будить ночью. Но я всегда поднимался без какой-либо побудки взрослыми и, что особенно примечательно, без будильника. Будильников мы не знали! Во многих семьях в то время не было даже простейших ходиков: жили по заводским гудкам да солнцу... Не знаю, как я, будучи еще мальчонкой, развил в себе навык легко просыпаться в любое время дня и ночи без чьей-то помощи. Эта способность, этот биологический будильник продолжает, между прочим, работала во мне всю жизнь и продолжает работать до сих пор.

И вот, протерев заспанные глаза, поживаясь от утреннего холодка, спешу к реке. Надо опередить «конкурентов» – успеть занять удобное уловистое местечко на берегу.

Ничто не шелохнется, полнейшая тишина. Лишь молочный туман медленно расстилается по зеркальной водной глади. Аккуратно насаживаю червя на крючок⁵⁵⁸; по привычке хорошенько плюю на приманку. Мы были уверены: после этого рыба будет лучше клевать. Теперь остается только ждать первой поклевки...

Тем временем светает. Наконец поплавок лениво качнулся, чуть сдвинулся в сторону, остановился на секунду-другую, потом его снова повело и он почти притопился... Кажется, рыбка еще не совсем проснулась... Тем не менее дергаю удилице. Попался всё-таки! Бубырь, нормальный! Есть почин! Первый улов – на низку; далее процедура повторяется: поправляю остаток червя на крючке и, смачно оплевав насадку, забрасываю удочку на прежнее место.

В первый час-два большей частью идут бубыри да еще окуньки. С восходом солнца и прогревом воды начинает досажать пукась; от него не столько прибыли, сколько вреда. Этот мелкий, с маленьким ртом и тонкими губками, паскудник обклеивает приманку так, что не всегда уловишь в поведении поплавок момент клева. Когда же поймешь, что тебя дразнит пукась, и попробуешь его подсесть, то он чаще всего с крючка срывается. В улов попадают лишь редкие, большие по меркам пукасей, особи.

Река оживает. За спиной находящейся тропинкой то и дело топают на базар на станцию, в Смелу женщины с выгона, с Большой Яблоньки. К реке, там и сям стекается разновозрастная ребятня. Шумят, резвятся на Камне...

Солнце припекает все более. Прежняя рыба попритихла, зато приходит черед «шалить» верховодкам. Они легко угадываются по характеру клева, и, так же как и пукасы, прожорливы и трудноловимы...

А тут еще разыгрались и лягушки – распугана последняя рыбешка. Беспокорные квакуши раздражают так, что моему терпению приходит конец. Цепляю к крючку кусочек зеленого листика и подергиваю этой «наживкой» перед носом одной из тварей. Она мгновенно ее проглатывает. Попалась, гадина! Вытаскиваю на берег, и только теперь до меня доходит, что поступил несколько опрометчиво. Как ее снимать с крючка? Ведь знаю: возьмешь

⁵⁵⁷ Высмотреть конский волос, гусяное перо на лугу или выгоне никакого труда не составляло.

⁵⁵⁸ Из опыта мы знали: чтобы не остаться без приманки, когда у рыбы придет жор, расходовать ее следует экономно; на одного червя, между прочим, я умудрялся брать по несколько рыбешек!

лягушку в руки, бородавки вырастут! Так говорили наши родители, в это верили и все ребята... Размахиваю удочкой, как цепом, и шмякаю лягушкой о земную твердь, пытаюсь сорвать ее с крючка. Раз, два, три!.. А она, проклятая, держится... Мне удалось от нее освободиться, лишь когда она превратилась в подобие отбивной котлеты... Прости, Господи, тот мой неосознанный грех! Эта экзекуция оставила во мне неприятное впечатление, больше я ее не применял...

Часам к одиннадцати я, меняя места лова, передвигаюсь к лугу. Жарко, клонит ко сну, от голода сосет под ложечкой. Рыба на низке почти вся издохла и распухла. Всё, пора «сматывать удочки» (она у меня одна!). Подходит младший Бараник⁵⁵⁹. Он слыл рискованным и гораздым на выходки пацаном. «Хочеш, я зараз з'ім оцього бубиря, живого...», – показывает на последнюю, выловленную мною рыбу. «Давай!» – отвечаю. Интересно, думаю, надо посмотреть, решится ли. «Представление» состоялось и имело «успех». Рыба была съедена со всеми потрохами, костями и чешуей...

Дóма меня ждет бабушка Тина. «Ого, наловив!», – подбадривает меня. Минут через пятнадцать я уже уплетаю за обе щеки жареную ею картошку с моим уловом. Сонливость уходит, и я бегу «гулять» и купаться на Камень... Возвращаюсь только вечером.

Случалось, ходил я на рыбалку и в компании с кем-нибудь из товарищей. Чаще всего в напарники я выбирал Толю Билана⁵⁶⁰. Почему, мой читатель сейчас поймет.

Отец Толи имел целый набор настоящих, магазинных, удочек. Они висели связанным пучком на уличной стене их хаты под стрехой крыши, и я часто, проходя мимо, заглядывался на них. Старый Билан разрешал ими пользоваться и сыну. Как же я ему завидовал!

О совместной рыбалке, разумеется, уславливаюсь с товарищем загодя. В назначенный день, проснувшись, бегу к Биланам, тихонько стучусь в окошко, поднимая еще дремавшего дружка. Толя выбирает из отцовской обоймы какое-то количество удочек, и мы огородам спускаемся к реке. Одну удочку он выделяет мне, остальные оставляет себе: по примеру отца он привык рыбачить одновременно пятью-шестью «инструментами»... На берегу располагаемся рядом.

Ловить рыбу фабричной удочкой – одно удовольствие. Прежде я так наловчился обращаться с грубым, собственного изготовления, орудием лова, что теперь, с легким, чувствительным средством, дела у меня идут не хуже, чем у Толика... Я знай себе таскаю и нанизываю на низку рыбку за рыбкой...

А что у дружка с его «многоствольной» снастью? Поклевывает на одной удочке, неуверенная поклевка на другой... Поплавки водит по сторонам. Толик дергает наудачу одно из удилищ, тут же поддевается соседняя удочка: запутались лески... Бедняга сидит на берегу, распутывает... А в этот момент, глядишь, выстреливает новый «ствол» батареи, его поплавок энергично идет ко дну... Окунь? Подсечь рыбину Толя не успевает... Наживка на исходе, улов, как говорится, с гулькин нос – по крайней мере, не больше моего. Так и мается мой неудачливый партнер... Между тем клёв постепенно ослабевает, после чего и вовсе прекращается. Надо менять место. Для меня это не вопрос: единственную удочку сматывать не требуется, ее легко перенести и сразу закинуть на любом открытом водном пятачке – даже среди осоки. Для Толика же сниматься с места и перемещать свое «хозяйство» – настоящая канитель. Сначала надо присмотреть подходящую (широкую, не заросшую прибрежной растительностью) заводь; затем – каждую удочку смотать (разобранные все разом не перенесешь!); наконец – на новом месте их развернуть и раскинуть... За это время я уже какую-то рыбешку поймаю или сменю еще раз место, если не клюет...

В итоге я всегда оказывался удачливее товарища...

Иногда ходил я на реку и с пауком.

Эта снасть досталась мне, можно сказать, по наследству. Бабушка Тина, поощряя мое усердие в рыболовстве и мои успехи в этом бесполезном занятии, притащила ее из сво-

⁵⁵⁹ Их семью я упоминал на стр. 11.

⁵⁶⁰ Он у меня уже упоминался (смотри стр. 11).

ей Яблоновки. Как я понимаю, то был паук дедушки Луки, которым он рыбачил на Тясмине еще до войны и который потом, после его гибели в 1940 году, валялся за ненужностью где-то в сарае. За прошедшие годы сеть его, конечно, несколько истлела, прохудилась, однако бабушка легко ее починила, заделав бреши новыми заплатками (бабушкино умение запросто, руками, плести сети вызывало у меня и восхищение, и зависть!). Паук снова был пригоден для дела.

На Первомайской такая снасть, должен сказать, была редкостью. Она была серьезнее наших простых мальчишечьих удочек и держалась главным образом взрослыми рыбаками. Нам, хилым послевоенным малолеткам, таскаться с громоздким и тяжеловатым аппаратом было нелегко, хлопотно – одним словом, не всякому он был по душе. Ведь, надо знать, что к пауку полагались еще и причиндалы: жестяная или алюминиевая кружка с приделанной к ней длинной деревянной ручкой (ею зачерпывали из сети пойманную рыбку); ведерце или котелок для улова; небольшой табурет (выстоять на рыбалке полдня на одних ногах было утомительно)... Если мне не изменяет память, из ребят я был единственным, кто рыбачил и удочками, и пауком. С ним я всегда приходил с речки с приличным уловом... Хватало его и на жаревое, и на холодный борщ с пукасями...

Сейчас ловлю себя на мысли: получается, что и в этом занятии – рыболовстве – я опережал своих сверстников.

Спустя недолгое время от паука мне пришлось отказаться. Он быстро старился, всё чаще приходилось чинить его сеть, от сухости одна за другой стали ломаться дуги, замену которым я находил с трудом⁵⁶¹. Вот я к нему и охладел...

Практикум по естествознанию.

Постоянное и непосредственное общение с местной природой – лучшая школа изучения той дисциплины, которая в наше время в школе входила в состав «Естествоведения», а позже получила название «Природоведение».

Читаем на уроке Тараса Шевченко:

Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть...

Как это всё близко, понятно!

В сознании тут же всплывал наш собственный вишневый сад. Вспоминался огород с его до крохи родной землицей (мы его вспахивали, конечно, не плугом, а проше – лопатами; этот тяжкий труд запоминался заработанными мозолями на детских руках). Чудились те же майские жуки, по-нашему хрущи... Представал весь наш животный и растительный мир...

Хрущи появлялись, когда почва достаточно прогрелась, вылетали вдруг, целыми тучами, заполняя всю улицу. Мы гонялись за ними, легко ловили руками, сажали в спичечные коробки, консервные банки и наблюдали за их поведением. После такого знакомства с этими насекомыми, нам не нужны были уже никакие учебники.

С наступлением сумерек на улице начиналось нашествие новых летучих тварей. То были летучие мыши (кажаны). Носились они стайками, резко меняя направление полета. Их не поймать, да мы и не пытались это делать, так как побаивались этих страшных уродцев...

Флору и фауну родной местности скудной назвать никак нельзя. Здесь, на небольшом пространстве, можно было встретить все богатства природы лесостепи. Продолжим их обзор, начатый описанием Тясмина.

(Продолжение следует)

⁵⁶¹ Паук хранился на чердаке сарая; летом, под железной, покрашенной черной смолой, кровлей, чердак превращался в настоящую печку.